

Колосов Л.И.

О крестьянстве и религии

раздумья, покаяние, итоги

0+

Леонид Колосов

**О крестьянстве и религии.
Раздумья, покаяние, итоги**

«Автор»

2007

Колосов Л. И.

О крестьянстве и религии. Раздумья, покаяние, итоги /
Л. И. Колосов — «Автор», 2007

Автор этой книги – выходец из вятских крестьян, специалист сельского хозяйства, пенсионер. «Я написал о том, что мучит меня много лет, о чем не могу не написать – о трагической судьбе нашего крестьянства. Мы совершили то, чего не сделал, по-моему, ни один народ – уничтожили крестьянство, свою важнейшую корневую часть. Веками не решая проблему жизни крестьян глубоко, по-человечески (а по-другому и нельзя ее решать, ведь крестьяне тоже люди), подготовили почву для прорастания в наших душах античеловечной, «диавольской идеологии» и ускоренными темпами, под «Ура!», ликвидировали... не проблему, а крестьянство. А теперь чешем затылок и глубокомысленно вздыхаем: почему у нас нет развитого сельского хозяйства, не хватает армии солдат, а городу – работников, почему так низко упал моральный облик общества... Наша главная беда, которая не дает нам идти вперед – мы не осмыслили того, что натворили. Может эта книга даст толчок к осмыслению».

© Колосов Л. И., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Предисловие	6
Что мы имели	8
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Леонид Колосов

О крестьянстве и религии.

Раздумья, покаяние, итоги

Никакой ветер
не будет попутным тому,
кто не знает куда плыть...
Сенека Люций Анней (4 до н. э. –65 н. э.)

Предисловие

Колосов Леонид Иванович

Время неумолимо быстротечно. Не успеешь насладиться жизнью, а уже пора подводить итоги. Наступает пора воспоминаний, размышления и осмысления. Надо бы раньше. Но такова жизнь. Два дела одновременно удаётся делать не многим.

Осмысление пережитого окрашивает пройденное в новые краски. К сожалению, за многое приходится стыдиться, исчезают самоуверенная гордость за свой интеллект, основания для оптимизма, и с каждым днем все больше мучаешься за каждую ошибку и прегрешение.

Мои грехи и упущения, повлиявшие только на мою судьбу, – не в счет. Они мои и только мои и уйдут вместе со мною. О них можно рассказывать детям своим и друзьям, чтоб не повторяли твои ошибки. Да и то: у каждого человека свой путь, свои задачи со своими неизвестными.

Но есть общественно значимые преступления, в коих вроде бы ты не виноват, а при более глубоком размышлении и начистоту видишь и свою, казалось бы, маленькую песчинку, под миллионами которых завалены ни в чем не повинные люди, а судьба последующих поколений поставлена под вопрос. И понимаешь: я ответственен за каждый свой грех, независимо от моего понимания его величины и за каждый грех, который совершили мои предки.

Пишу о том, что мучит меня много лет, о чем не могу не написать – о трагической судьбе нашего крестьянства. Мы совершили то, чего не сделал, по-моему, ни один народ – уничтожили крестьянство, свою важнейшую корневую, фундаментную часть. И нельзя сказать, что в беспамятстве, не ведая, что творили. И не в одночасье. Веками, не решая проблему жизни крестьян глубоко, по-человечески, (а по другому и нельзя решать, ведь крестьяне тоже люди), подготовили почву для прорастания в наших душах античеловечной, «диавольской» идеологии, и ускоренными темпами, под «Ура!», ликвидировали... не проблему, а крестьянство. Думали: не будет крестьянства, не будет проблемы. (Пусть не обижаются оставшиеся крестьяне. Их небольшое количество и униженный статус еще раз свидетельствует о верности формулировки – крестьянство уничтожено).

А теперь чешем затылок и глубокомысленно вздыхаем: почему у нас нет, как у других, развитого сельского хозяйства, почему не хватает армии солдат, а городу работников; почему так низко упал моральный облик общества т. д. и т. п.

Мы до сих пор не поняли, что главным богатством являются люди, и только они создают богатство страны. Можно лежать на ресурсах и быть голодным и холодным. История свидетельствует: уровень развития и цивилизованности страны определяется КПД использования физических, а главным образом умственных (интеллектуальных) возможностей (ресурсов) населения. Но история, как известно, не учит, а лишь наказывает за незнание уроков.

Понимаю, что мое писание, по всей вероятности, будет гласом вопиющего в пустыне. Но это меня не останавливает, ибо это не научный труд ученого, не целенаправленный трактат политика, а своего рода свидетельские показания, а точнее – одновременно признания виновного, покаяние небезгрешного перед Судом совести.

Когда уже было написано значительное количество текста, я понял, что без добавления в заглавие слов «и религии» невозможно понять внутреннюю, самую главную причину произошедшей в нашей стране трагедии. Устойчивость крестьянства, корневой части этноса (как стволовых клеток организма), определяется его природным мировоззрением. А этим мировоззрением является религия. В мире не было, и сейчас нет народов без религии. И не будет, потому что религия, Бог – это оплот против бед как отдельного человека, так и общества в целом. Иначе головы наши заполняются диавольскими химерами, и мы становимся легкой добычей политических хищников с их «лукавыми» философиями. Так устроен мир. Или Бог, или диавол. Или-или. Третьего не дано.

Что мы имели

Начнем с начала. Что такое крестьянство? Казалось бы, банальный вопрос. Как бы не так! Слишком много желающих говорить от имени крестьянства ради своих корыстных целей, когда им это выгодно.

Крестьянство (о котором я веду разговор) – это люди (изначальная форма этноса, затем часть населения, народа), живущие на земле и за счет земли, обеспечивая себя выращиванием растений или животных. Крестьянствование – одно из первых основных занятий человека вообще и, главное, естественное занятие.

Учитель, живущий в деревне, не является крестьянином. Хороший, уважаемый человек, но он обычно не умеет хозяйствовать на земле (огородик не в счет, это подспорье), потому что у него другая профессиональная задача, за которую он получает основные средства на существование от государства (а государство – от налогоплательщика, то есть крестьянина).

Так называемые аграрии (чиновники сельскохозяйственных учреждений всех уровней, сельскохозяйственные ученые и т. п.) живут в городах, поселках городского типа – районных центрах, хотя и занимаются сельским хозяйством, но деньги получают из тех же источников, что и сельская интеллигенция – от государства. Все эти претенденты на звание крестьян в первую очередь заинтересованы в сборе налогов (поборов) с населения, то есть с крестьян. Следовательно, интересы их и крестьян противоположны. Численность аграриев резко возросла в советское время, после коллективизации. Это целая армия указчиков, погонял, рукамиводителей*, практически не отвечающих за результативность сельскохозяйственного производства, и отчитывающихся за выполнение указаний сверху, от более высоко стоящих, более важных и грозных руками-водителей. Трагедия в нашем обществе отнюдь не от недостатка аграриев, а наоборот. Может быть, были бы они полезны, если бы статус их был в форме сервиса, обслуживания крестьян на равноправных началах.

*[Здесь я сделаю отступление и дам полную характеристику этого моего термина. Рукамиводители – дословно, а в общепринятом употреблении, конечно, руководители- управленцы от компартии, чиновники комсоветской власти и комсоветского государства – главные фигуры комсоветов. Как правило, не очень даровитые, чаще бездарные. Дарование не относилось к главным требованиям к ним. (Хотя и была отработана система кадрового отбора, рекрутирования подающих признаки способности, начиная с пионеров и комсомольцев. Но успеха не имела. По-настоящему способные стремятся к самостоятельности, поэтому их не удовлетворяет судьба стать винтиком комсоветского механизма. А согласившихся система уравнивала, не позволяла выделяться. Слабые по натуре свыкались, привыкали и теряли себя.) Почти всегда некомпетентные в той отрасли, которой управляли по воле партии и вышестоящих рукамиводителей. Им при назначении говорили: по ходу дела разберетесь, не это главное.

Главное – способность неуклонно проводить линию партии, а еще точнее – вышестоящего рукамиводителя по партийной вертикали. Все рукамиводители отчитывались только перед вышестоящим руководством за вклад в строительство социализма-коммунизма (сначала в виде какого-то фантастического, непонятного общего рая, но затем очень понятного рая не для всех, а для них родимых рукамиводителей). Это руководство определяло и оплату их деятельности из общегосударственного фонда, который был в полном распоряжении компартии как руководящей и направляющей силы страны согласно ею созданной советской конституции. Поэтому важнейшая задача всех рукамиводителей – всемерное увеличение этого фонда за счет всех предприятий и жителей страны и умелое распределение с радостным припевом: все для народа, все для блага народа, зарплата трудящихся граждан – на уровне западного пособия по безработице, а негражданам – крестьянам, не имеющим паспорта, – предоставляется право на жизнь на земле практически без оплаты!

За результаты хозяйственной деятельности, да и за судьбу работников хозяйства (предприятия) рукамиводители не несли конкретной ответственности. За них головой и жизнью отвечали хозяйственные управленцы и сами трудящиеся. Однако рукамиводители были облечены неограниченной властью по избранию пути, куда вести хозяйство в соответствии с генеральной линией партии, по расходованию заработанных средств. Но, по большому счету, все руками водители – винтики цепей диавольского коммунистического механизма, беспощадно опутавшего нашу страну и ее жителей. Завидовать им не стоит.

К великому сожалению, и сейчас, после долгожданного 1991 г. обстановка поменялась лишь словесно. Опять та же зубодробительная цепь рукамиводителей, в основном тех же и таких же некомпетентных, не думающих глубоко о будущем страны и ее жителей, но, пожалуй, более бессовестных, похотывая набивающих свои карманы открыто, якобы по-капиталистически, ведя свой бизнес за государственные деньги, находясь на госслужбе, лицемерно переписывая эту деятельность на жен, детей и других родственников и друзей. Вериги прошлого сразу не сбросишь!].

Крестьянство есть во всех странах, у всех самостоятельных народов. Трагичные формы проблема крестьянства приобрела только у нас, хотя она трудно и мучительно долго решалась везде. (Причина – в психологии людей: генетически заложенное желание выделиться, а, выделившись свысока, с пренебрежением относиться к нижестоящим). В других странах так называемого «социалистического лагеря» проблема крестьянства не приобрела «наших» размеров в связи с национальной спецификой и более короткой их истории, менее большевистской формой социализма (без масштабных репрессий и т. п.).

Поэтому речь пойдет о Российском крестьянстве, а более конкретно и в первую очередь о крестьянах моей родной деревни Вынур и соседних деревень Пачинской волости Яранского уезда Вятской губернии – Тужинского района Кировской области, где я был в возрасте 8-16 лет колхозником.

На картах и рисунках показываю: «вот моя деревня, вот мой дом родной». Интересны говорящие названия улиц: Верхний конец, Нижний конец (тут я жил), Зарека, Мутовка или Залог (первое название из-за ее формы, второе – за логом она), Хутор. Пожары естественные и социальные изменяли количество домов в деревне, но в среднем мы считали, что в ней 150 дворов (хозяйств).

Жители деревни Вынур в 40-50-х гг. XX века по номерам домов (приложение к схеме)

1. Багаева Анастасия Алексеевна.? два сына и дочь рано уехали в город
- 2.? Авдотья? с больной дочерью
3. Багаев Николай Прокопьевич, Алексей Николаевич с ж. Катей и дети (с. Иван?)
4. Багаева Екатерина Семеновна, активистка, бывшая учительница
5. Новиков Ефим Климентич, ж.? много сыновей, последний – Семен учился со мной
6. Новиков Осип Дмитрич, ж. Афанасия, с. Сергей д. Люба
7. Новиков Николай Михайлович, ж. Наталья, с.: Николай, Василий, Сергей, д. Тоня
8. Вахрушев Степан Иванович, ж. Мария, д. Нонна
9. Новиков Алексей Захарович, ж. Александра Васильевна, д. Тамара
10. Куликов Иван Куприянович, ж. Сима, д. Люба
11. Куликовы...Ненила (бабушка)...фронтовик с женой и много ребятишек
12. Новиков Иван Моисеевич, ж. Екатерина (Катя Мосина)
13. Новиков Дмитрий Ильич.....?.....
14. Вахрушева Екатерина Федоровна.....с. Коля учился со мной
15. Вахрушев Кузьма Павлович,....с.? д. Раиса
16. Колосов Данила Тихонович, ж.? много детей, Ваня? учился со мной
17. Татауров Иван Астафьевич, ж. Матрена Ильинична, с. Петр, д.: Мария, Анна

- 18...?.19.Колосов Александр Сергеевич, ж. Валентина Алексеевна, д. Люба, с.?
20. Колосов Иван Федорович, ж. умерла, с.:Семен и Николай
21. Вахрушев Андриан Осипович, ж. Анастасия, Николай Андрианович, с.: Миша, Ван-
юрка
22. Вахрушев Федор Осипович, ж. Анастасия, д. Валя
23. Новиков Дмитрий Андреевич, ж. Екатерина Филипповна, с. Григорий
24. Новиков Яков Савватеевич, ж. Ефросинья Артамоновна, д.:Валентина, Анна, Мария
25. Колосов Иван Александрович 1, ж. Матрена Васильевна, с.: Михаил, Александр,
Николай, Сергей, Анатолий, Леонид
26. Колосов Никита Данилович, ж. Дарья, с. Николай, д. Клавдия
27. Колосов Илья Николаевич, ж. Василиса, д.: Мария, Анна
28. Колосов Абрам Николаевич, ж. Дуня, с. Иван
29. Новиков Александр Савватеевич, ж. Васса, ее сестра б. монахиня Паша, с. Василий,
2д.
30. Новиков Михаил Иванович, ж. Валентина Степановна, с.: Леонид, Геннадий, Иван
31.(Колосов Михаил Филиппович-раскулаченный), ж. Анастасия
32.(Колосов Алексей Филиппович, раскулаченный)
33. Новоселов Иван Никитич, ж. Мария, с. Николай и?
34. Новоселов Семен Никитич, ж. Евдокия Кузьмовна, три д.
35. Новикова (Колосова) Татьяна Ивановна (Алешиха), с.: Николай и?
36. Колосов Никита Иванович, ж. Александра, с. Иван, д. Нина
37....Калистрат...? 38.Новиков Павел Власич, ж. Мария, с.: Николай, Алексей, Иван,
Леонид
39. Новиков Максим Акимович, ж. Анастасия Дмитриевна, д.:...? Мария, Нина, с. Ваня.?
40. Колосов Иван Александрович 111(погиб в ВОВ), затем Селюнины – мать с детьми
41.(Колосов Михаил Харитонович-репрессированный)
42. Новиков Алексей Иванович?
43. Новиков Матвей Егорович, ж.? с. Николай
44. Машкин Никита Андреевич, ж. Серафима Даниловна, с.: Павел и Василий
45. Машкин Емельян? ж. Анна, с.: Николай и Леонид
46. Колосов Григорий Дмитрич, ж. Мария...?
47. Колосов Петр Максимович, ж. Серафима Андриановна, с. Валентин
48. Колосов Иван Александрович 11, ж. Наталья, с.: Николай, Юрий, Леонид
49. Багаев Степан Иванович, ж. Настя, много дочерей
50. Колосов Иван Васильевич, ж. Феклинья, с. Иван и..?
51Колосов Василий Фролович, ж. Елена, с. Василий и еще много детей
52. Колосов Александр Тихонович, ж. Александра, д. Даша, с. Иван, внук Леня
53. Колосов Андрей Афанасьевич, ж. Федоринья, много детей
54. Новиков Семен Иванович, ж. Елена Максимовна, с.: Семен, Игорь, д. Лена
55. Машкин Владимир Максимович, ж. Павла, с.: Николай, Алексей, д. Татьяна, вн.
Валентин,
а до них Вахрушев Семен Васильевич с семьей, а до них раскулаченный (Вахрушев Семен
Платонович)
56. Машкин Павел Андреевич, ж. Ефросинья, с.: Василий, Николай, д.?
57. Машкин Игнат Кузьмич, ж. Анастасия Петровна; много детей, в т. ч. с. Сергей,
Михаил, д. Наталья... Потом жили Михаил Игнатич с ж... Марией Лаврентьевной
58. Новиков Фофан Максимович, ж. Екатерина Осиповна, с.: Михаил, Александр, Васи-
лий, Петр и?
59. Новиков Макар Егорович, ж. Татьяна и много д.: Капитолина, Нина,?

60. Вахрушев Александр Андрианович с ж. и д.?
- 61.(Вахрушев Осип Кириллович) – раскулаченный
62. Татауров Алексей Астафьевич, ж. Арина,?
63. Татауров Кондрат Михайлович,?
64. Татауров Евгений Михайлович, ж. Анастасия-Настя Ениха, дети?
65. Колосовы...Дуся- пчеловод
- 66....? Семен? ж. Елена Михайловна с детьми
67. Шатовы: Зотей, Иван Зотеевич, Лидия Феокистовна
68. Новиков Егор Савватеевич, ж. Ольга, много детей, в т. ч. Тоня
- 69.?70? 71.Новиков Григорий Власич?
72. Куликов Павел Васильевич, ж. Анастасия, дети, в их числе Миша, мой ровесник
73. Машкин Семен Алексеевич, ж.? много детей, в т. ч. Люба, Поля, Валя
74. Машкин Тимофей Васильевич, ж. Харитинья, д.: Анна, Любовь, Мария
75. Новиков Никита Власич, ж. Пелагея, дети?
- 76....?Екатерина с сыном и дочерью
77. Колосова Екатерина ...? с. Гриша
- 78 и 79.(Братья Новиковы Павел и Алексей Ивановичи?) – раскулаченные
- 80.? 81....?Василий Дмитрич, ж. Анастасия Архиповна, д.: Саша и Поля
82. Багаев Павел Иванович, ж. Ульяна, д.: Поля, Люба, бабушка Мария
83. Вахрушев Яков Ильич, ж. Таисья, два сына
84. Вахрушев Иван Ильич, ж.? с.: Колянко и Толянко
85. Поповы Прасковья и Зиновья (б. монахиня) Егоровны – дв. сестры моей мамы
86. Вахрушев Николай Васильевич, ж. Дуня
87. Поповы: мать с д. Марией
88. Игитова Ефросинья ...? д.: Нина, Рая
89. Шатов Иван Парамонович, ж. Августа Васильевна, д.: Тася, Нина, Анна
- 90Шатов Иван Зотеевич, ж. Прасковья Семеновна,?
91. Панихин Дмитрий? Николаевич, ж.? много детей
- 92.(Иван Викторович) – раскулаченный
93. Вахрушев Лаврентий Никитич, ж.? с. Николай, д. Мария
94. Вахрушев Емельян Андреевич, ж. Екатерина Савватеевна, с.: Петр и Николай
95. Вахрушев Алексей Никитич-коновал,?
96. Вахрушев Иван Андреевич, ж. Дуся,? Потом жил Машкин Сергей Игнатич с ж. Валентиной Ивановной – учительницей
97. Вахрушев Иван Макарович, ж. Наталья Андреевна, с.: Иван, Михаил
98. Вахрушев Василий Петрович, ж.? много детей
99. Куликов Василий Семенович, ж. Марфа, с.:Иван, Алексей, д. Поля
100. Машкин Иван Петрович, ж. Варвара, с.: Григорий, Иван, Алексей, д. Поля
101. Куликов Павел Прокопьевич, ж.? с. Николай
102. Новиков Александр Акимович, ж.? с. Василий
- 103...? Ольга Мишиха с д. Ниной
104. Машкин Сергей Петрович, ж. Анисья Ивановна,3 д., в т. ч. Рая, моя ровесница
- 105....?Егор Тимофеевич, ж. Татьяна Минеевна, с. Гриша-туберкулезник
106. Новиков Иван Власич, ж. Мария, с. Николай, д.: Клава, Лида
107. Машкин Николай Петрович, ж. Арина, с.: Сергей, Дмитрий
- 108..Куликов Семен Семенович, ж.? с.: Андрей, Григорий, Семен, Михаил
109. Дом раскулаченных(?).
110. Вахрушев Дмитрий Григорьевич
111. Новиков Антон Романович, ж. Марфа, с. Александр, внук Виктор

112. Новиков Александр Егорович, ж. Устинья, д. Валентина
113. Новиков Тимофей Митрофанович, (евангелист), ж. Варвара, 3 д.
114. Колосов Иван Дмитрич, ж. Лукерья, много детей, в т. ч. д. Нина, с. Геннадий
115. Вахрушев Никон Васильевич, ж. Аграфена, с.: Николай, Петр, Иван, Павел
116.? Матрена Парамоновна, с. Леонид-тракторист
117. Куликов Григорий Семенович, ж. Анна Алексеевна, с. Леонид
118. Колосов Петр Васильевич, ж.? с.: Леонид, Григорий
119.? Вера Ионовна, почтальон
120. Колосов Карп Иванович, ж.? с.: Дмитрий, Григорий
121. Новиков Алексей Савватеевич, ж. Екатерина Федоровна, с. Дмитрий, внук Леня
122.? Аграфена Абакумиха.
123.? Татьяна с детьми.
- 124-126 — ???
127. Куликов Андриан Семенович, ж.? д. Поля
- 128 – 130 – ???
131. Куликов Филимон Степанович, ж. Анна, много детей
132. Колосов Иван Максимович – дезертир.
133. Машкин Яков Артемич – дезертир
134. Машкин Иван Федорович, ж. Аксиныя, д. ???

Это середина, лучше сказать начало южной части Кировской области с развитым сельскохозяйственным производством. В соседнем Пижанском районе встречаются уже серые лесные почвы. Из ближайшей деревни Тимино этого района мы возили «чернозем» (луговую почву) для огурешных грядок.

Описание «агроландшафта» Есениным С.А. в поэме «Анна Снегина» мне всегда напоминает мою родину:

«Село, значит, наше – Радово// Дворов, почитай, два ста// Тому, кто его оглядывал// Приятственны наши места// Богаты мы лесом и водью// Есть пастбища, есть поля// И по всему угодию// Рассажены тополя.

Это значит: деревня моя – типичная для Центра Европейской части нашей страны, на одной параллели с Тверью.

Деревня с юга примостилась к широкой пойме реки Пижма, к ее лугам с многочисленными озерами и живописными дубовыми рощами. За Пижмой, протекающей с запада на восток, сурово темнеют островки хвойных лесов, за которыми синее бескрайний бор.

Но на экзотической стороне я останавливаться не буду. Мне нужно в этом разделе спокойно, без эмоций, с жесткой логикой доказать, с одной стороны, ошибочность утверждений Манифеста Коммунистической партии Маркса и Энгельса об «идиотизме деревенской жизни» и «реакционности крестьянства», несостоятельности представления «пролетарского» писателя, основателя «социалистического реализма» М. Горького (А.М. Пешкова), выросшего в купеческой семье г. Нижнего Новгорода и никогда не жившего в деревне (М. Горький «О русском крестьянстве». Изд-во И.П. Ладыжников, 1922 г. – кстати, в период голодомора крестьян.! «Безграничная плоскость...крытые соломой деревни..., и человек насыщается чувством безразличия, убивающим способность думать...» И приводится рассказ краскома: «русского бить легче. Народу у нас много, хозяйство плохое, ну, сожгут деревню, – чего она стоит!..и сама сгорела бы в срок.», «когда же вымрут эти глупые люди деревни». И в других своих произведениях – «Челкаш», «Мать» – персонажи из крестьян обязательно отрицательны: скаредны, продажны). С другой стороны, необходимо показать близорукость и высокомерную непорядочность крепостнической российской элиты, называвшую своего кормильца

«смердом», «подлым народом», «холопом», продававшую и покупавшую его как вещь до 1861 года и только с 1905 года уравнявшую в правах с другими слоями общества.

Большое видится на расстоянии. Прожив уже большую часть жизни вдали от родных мест, навидавшись всего, хлебнув сполна жизненного опыта, отчетливо видишь сейчас исключительную, отполированную тысячелетиями, рациональность организации жизни крестьянства, его приспособленность к суровым законам природы. Это то, что городское население, утонув в суете сует, утеряло, наверное, безвозвратно, поставив на злобу дня вопрос о судьбе человека на планете Земля.

Без проектов и исследований, а насколько точно выбрано место для деревни по берегам маленькой речушки (естественно, Вынурки)! Речушка-то маленькая, но цены ей нет. Благодаря временным (летним) запрудам предоставлялось место для игры дошкольной ребятне, женщинам полоскать белье, хранить зимой грибы и огурцы, всегда иметь запас воды против пожаров (страшного бедствия деревянных поселений). А ивняк возле речки – это и место игрищ ребятни и ресурс под рукой для умельцев плести корзины и т. п.

Вплотную столкнувшись с дачным строительством, я оценил еще одно. Под каждым домом в деревне были глубокие, до 2-х метров, подпол и всякие другие погреба, но о воде в них мы и знать не знали. Это же речушка высушивала их!

На выходе из поймы речки (хотя она и маленькая, но весной разливалась широко и бурно, вычищая свою пойму основательно и унося многое у незначительных хозяев) располагались бани, раньше для каждой семьи. Дрова к ним возить – под гору, ну а вода – рядом. Бани с предбанником, но трубы у печки (каменки) не было. Дым из каменки наполнял всю баню и выходил в отверстие в потолке. Цивилизация посчитала «темнотой» крестьян такую топку «по черному». А ведь это копчение пола и стен бани – эффективная санитарная обработка и полное использование теплоты дыма.

А дома крестьян, то есть избы, только на первый взгляд были одинаковые. Как и люди, они все разные. Величина определялась достатком. Дом разбитной вдовы или «Емели» (употребляю как нарицательное имя – ленивых жителей деревни) виден был сразу. Даже ворота, визитная карточка крестьянского дома, у них отсутствовали. У крепкого же хозяина (настоящего крестьянина) дом с солидными воротами, большой оградой сразу вызывал уважение.

Главное достоинство крестьянского дома – целесообразность и многоцелевое использование каждой его части. Он состоял из избы, моста (сеней), клетки, помещений для корма и домашнего скота, подволоки-чердака, подполья, подклети и ограды. Начнем по порядку, от печки. Главное в избе – русская печь, на все случаи жизни, ее долго топить, но и долго будет тепло. Из стужи на печку, – и никакой простуды и для малого, и для старого. Одновременно под тобою жито (зерно) сушится – и мягко и приятно. Топка большая: хлеб пекут, готовят пищу, ребенка можно помыть и т. д. Выше края печи, впритык к ней и до стен устроены палаты, на которых в холодное время года спала крестьянская семья. На кровати зимой к утру, когда печь остывала, было бы холодно (от окон).

Под избою – подполье до 1,5–2 м высотой, для зимнего хранения картофеля, овощей и молочных продуктов с отверстием в полу для «инспектирования» этого помещения кошкой.

Между избой и клетью располагался мост (сени), с тремя выходами: в ограду, в клеть и на крыльцо в проулок. Это место для хранения мужского инвентаря (в руднике – двойном приступке перед входом в клеть, пол которой выше пола избы). На мосту была лестница на подволоку (чердак), где хранились ткацкий и мотальный станок, прялки, развешивались корзины подсолнуха и кисти рябины (а рачительные старики сушили загодя сделанный гроб).

Клеть (летняя изба без печи) делилась на чулан и место для кроватей с пологом (от мух и комаров), имела маленькие оконца в ограду и проулок. В чулане в закромах (сусеках) хранили зерно и муку. В доколхозное время для этого был также в ограде амбар, в колхозное – он оказался без надобности из-за отсутствия зерна.

Под клетью – подклеть (полупогреб) для хранения летом молочных и других скоропортящихся продуктов (прообраз просторного холодильника). В конце зимы специально заготавливали лед и клали в подклеть, закрывая его опилками, землей и мякиной. Даже сейчас не потерял актуальности этот прием – сколько льда не используется...

После клетки сруб был значительно ниже. Сначала помещение для мякины и овец, далее стойло для лошади (после коллективизации – нетели, бычка, свиньи) и в конце хлев для коровы. Сверху от этих помещений до крыши (обычно покрытой соломой) – поветь для сена и соломы. В сторону от всех помещений – ограда шириной 6 м и более, что позволяло не только проезжать на лошади с повозкой насквозь, но и разворачиваться назад. В дальнем конце ограды был колодец, в середине внешней стенки – туалет. Вдоль свободной части внешней стенки клали поленицу дров.

Ограда была обычно покрыта соломенной крышей, а у некоторых хозяев наполовину открыта, чтоб витамины – зеленая трава для кур была. Ограда закрывалась большими воротами. Зимой, в феврале часто выход заметали сугробы вровень с крышей ограды и трудно было выйти, но у крестьянина и не было особой нужды для этого. Все было, как на корабле. Представляю схематические рисунки избы.

Дома располагались в строгом порядке по одной линии. Через 4 дома – проулок с дорогой метров пять шириной для удобства въезда в деревню и выезда из нее. На каждом доме табличка, с чем бежать на пожар: с багром ли, топором ли, лопатой ли и т. д. Шириной три метра возле домов – пешеходная дорожка, огражденная рядом деревьев, обычно ветел и тополей с обязательными скворечниками. Улица в деревне была профилирована двумя канавами с боков, заросла горцем птичьим, тмином, мальвой и др. Детям играть на ней было одно удовольствие, если не брать в особое внимание остатки после проходящих утром и вечером коров. Очень удобный ковер – мы ребяташки мужского пола ежедневно проверяли кто сегодня сильнее.

Когда снег начинал таять в марте, сбрасывали (обычно подростки) снег с крыш, особенно соломенных, копали канавы для спуска талой воды вдоль дома, а затем вдоль улицы. Талая вода, таким образом, уходила в речку по установленным местам. После просыхания земли пешеходные дорожки и улица подметались каждым хозяином без понуканий с чьей-то стороны. Мусор крайне пожароопасен – это понимали все, даже Емели.

Особых изысков по красоте не велось (может быть только ворот и наличников окон), лишь у часовни и школы, построенных земством, были культурные изгороди и за ними кусты сирени. Да по дороге на хутор был ряд красивых высоких сосен.

А теперь по общим вопросам жизни. Да, кстати, деревня называется Вынур, в переводе с марийского «открытое поле» («вый нур»). Хотя в деревне марийцев не было с незапамятных пор, но их название осталось, и никто и не думал переименовывать. Не завоевывалась местность, а заселялась. Да и не временщиками, а всерьез и надолго. Сохранились до сих пор с угорских племен названия озер, стариц, реки Пижмы: Шундерь, Вичкижерь, Шуван и т. д. Есть и более новые озера: Ивановское, Колосовское, большая поляна в лесу – Колосова артельщина.

Заселение славянами вятичами этих мест началось, наверное, в начале первого тысячелетия, о чем свидетельствует название главной реки нашего края – Вятка, известное с незапамятных времен. И если русские это речные славяне («руса» – река по-славянски, а русло – где она течет), то мы вятские русские или русские вятские (а не какие-то «вятчане», что стараются привить современные начальники «кировские»). Мы вятские – люди хваткие: семеро одного не боимся, а один на один – все котомки отдадим.

От прародителей наших – вятичей – осталось много названий сел и деревень, оканчивающихся на «чи» (Пачи, Алешичи, Котельнич (сейчас город Котельнич) т. д. и диалект, выраженный в поговорке: ездил я в Котельнич, видел я три мельнич: водянич, паровича да и

ветренича. И не просто на «о», а как слово пишется, так и произносили. Без загадок на пустом месте.

И вот ведь что интересно: «национально выраженной вражды» не было. На гуляньях, когда сходилась молодежь «стенка на стенку», драки шли независимо от национального обозначения деревень, а за первенство на гулянье. Никогда не было драк между марийской и русской деревней, между русскими и марийцами одной деревни. Браки между русскими и марийцами были в обычном порядке. Не возбранялись и не стимулировались. Вот что значит естественное развитие истории, без участия государственной машины или завоевателя. Наиболее распространенные фамилии в деревне: Колосовы, Вахрушевы и Новиковы. А по рассказам старожилов, наиболее старые фамилии – Колосовы, Вахрушевы, Машкины, Новоселовы. Более поздние: Новиковы, якобы переселенцы из Смоленщины. Надо твердо отметить, что каких-либо междофамильных трений не было. Вот один пример для доказательства: у нашей семьи в деревне наиболее близкие родственники были по фамилии Машкины и Поповы, а очень дружественные связи – с соседями Новиковыми.

Деревня очень дружно вставала на свою защиту от посягательств извне. Конечно, внутренняя жизнь не была благостной. Борьба за первенство среди молодежи, например, была жесткой, до крови, но увечий не было, пока зараза извне не поразила деревню и каждую семью.

Нельзя не рассказать об именах крестьян. Вот подряд имена глав семейств нашей улицы, рожденных в 19 веке: Андриан Осипович, Осип Кириллович, Макар Егорович, Филипп, Кондрат Михайлович, Алексей Астафьевич, Фофан Максимович, Яков Савватеевич, Иван Александрович, Игнат Кузьмич, Никита Данилович, Владимир, Илья Николаевич, Абрам, Николай, Александр, Семен Иванович, Михаил Никифорович, Андрей Афанасьевич, Алексей Филиппович, Михаил, Александр Тихонович, Василий, Фрол, Иван и Семен Никитович и, Никита Иванович, Степан Иванович, Иван Александрович, Калистрат, Петр и Максим Харитоновичи, Павел Владимирович, Аким Михайлович, Емельян Григорьевич, Никита Андреевич, Матвей Егорович... Какой букет имен, солидно звучащих! В деревне были такие имена старых крестьян, как: Ефим, Климент, Данила, Прохор, Зотей, Виктор, Алексей, Платон, Лаврентий, Кузьма, Куприян, Карп, Захар, Григорий, Тимофей, Парамон, Никон, Артемий, Харитон, Аким. Конечно, Иванов было много. Ближайшее озеро возле деревни Ивановское.

Но жуткое однообразие наступило после уничтожения церкви: в моем поколении было больше десяти Ванюшек, не меньше десяти Ленек, остальные – Тольки и Витьки. И все. И получилось 3 Колосова Ивана Александровича, 2 Колосова Леонида Ивановича и т. д.

Вятская земля практически не знала князей (бояр), помещиков. Триста лет это была «Вятская вольница» – земля, во главе с воеводой. Присоединение ее к Московскому княжеству было начато князем Василием 11 в 1457 г. Окончательно же она была завоевана Иваном 111 в 1489 г. Значительную часть вятской знати переселили в центр Московии. Волею судьбы я живу в Москве рядом с Вятской улицей.

Крестьяне были в собственности государства Российского, казенные крепостные. Государство в лице государственных служащих (пристав, урядник, волостной и уездный начальники) были для них одновременно и помещиками. Может быть, это было даже в какой-то степени и хуже – государственному служащему шло вознаграждение за работу от государства независимо от того, живы ли крестьяне. А продавать их могли, как и везде в России.

Вспоминая подслушанные разговоры, я могу сказать, что у крестьян на генетическом уровне был великий страх перед властью: поможет ли – неизвестно, а сгноит запросто. И уважительность до подбострастия («барская избушка» – название места возле реки, где когда-то какой-то богатый приезжал на охоту и рыбалку, сохранилось до сих пор). Один милиционер на территории волости в диаметре 15 км в советское время управлялся с населением 15 деревень (около 5 тыс. чел.).

Что касается взаимоотношений богатых и бедных крестьян, так называемой «классовой борьбы», красочно, для разжигания страстей, описанной политиками и советской литературой, то о ней будет особый разговор. Личные мои впечатления относятся к периоду колхозной деревни. Расслоение как естественный, вечный процесс в жизни людей на богатых и бедных продолжалось и в эту пору, только обогащение было невысоким, а обнищание – беспредельным. Так вот, ненависти, борьбы и драк с мотивировкой «бедные против богатых» или наоборот я не замечал. Все было на уровне обычных человеческих отношений: зависть, пренебрежение, настороженность («не обокрали бы») и т. д. Да и богатыми-то становились не за счет воровства и эксплуатации, а сами работали и годами накапливали хоть что-то. Была в основном скрытая, как в любом обществе, зависть, с одной стороны, и пренебрежение, с другой. Не более. Потому что бедные не могли прожить без зажиточных, свести концы с концами, всегда занимали семена ли, хлеб ли, деньги ли у них. Иначе они пропали бы. Надо только было уезжать, убегать бы из колхоза, из деревни, а убежать было невозможно без паспорта.

Из-за всеобщей бедности не замечалось какой-либо особой остроты во взаимоотношениях родственников репрессированных и тех, кто был «передовым классом» деревни. Всеобщая небывалая бедность, беспросветная беда утихомирила страсти. Как жили рядом, так соседями и остались. Отгремела буря, и все вернулось в привычное мирное русло. Дома репрессированных использовались в основном только для общественных нужд колхоза (медпункт, контора и т. д.) или стояли нетронутыми памятниками. Некоторые стоят до сих пор, и никто в них не живет.

Помню, во время и после войны до 50-х годов шли вереницы нищих (в основном старух, женщин-вдов с детьми) из безлесного Пижанского района (это, где "чернозем"). Они благодарили за любой кусочек хлеба или картошки. Да и мы-то мало чем отличались от них. Они ночевали вместе с нами в наших избах. Нашу деревню спасал лес, река и луга с озерами. Лесные дары (грибы, жёлуди, ягоды), дикий лук с лугов и рыба. А пойменные луга стабильно давали корм для скота. Поэтому наши деревенские не ходили собирать милостыню. (Лишь одна вдова, к стыду моему, наша родственница умудрялась. Причина – клиника).

Ну, а теперь об организации, как сейчас выражаются ученые люди, производственной деятельности крестьян, а проще и правильнее – работы.

Работа – это единственный источник средств для жизни крестьянина с незапамятных пор и до «светлых», коммунистических дней включительно. Отсюда советский термин «трудовое крестьянство» – нонсенс, так как крестьянина, бедного ли, богатого ли, без труда нет. И не земля наша кормилица, а его труд. А земля – место работы крестьянина. Как говорится, не место красит человека, а человек красит место. Не стало у нас крестьян, покупаем продовольствие у «гнилого» Запада. А наша земля зарастает сорняками.

Это с библейских времен понимание важности работы пронизывает крестьянина всю его жизнь. Мысль о работе не оставляла его ни на минуту, с малых лет до смерти.

Разбаловавшись на всем готовом, живя в кем-то построенной квартире со всеми удобствами, питаясь кем-то выращенной продукцией, одеваясь в кем-то сшитую одежду и т. д. и т. п., мы в городе (кто больше, кто меньше) утеряли трепетное отношение к работе.

У меня, с молодых лет воспринявшего крестьянские законы жизни, было шутовское желание написать трактат о работе. Краткая суть его такая. «Работа – это тяжкое ярмо, но весьма необходимое. По необходимости для нормального человека – равнозначно питанию и дыханию. Но, в отличие от них, работу можно переложить на другого, чем многие не прочь воспользоваться. Путем обмана, воровства, убийства и завладения богатства убитого, превращения себе подобного в раба и т. д. и т. п. Для отвода глаз и пословицы приготовили: не обманешь – не проживешь, дурака работа любит. Но есть суровый закон жизни на земле: ты обманул – тебя обманут, ты убил – тебя убьют, рано или поздно. Посеял зло, а оно стреляет во все концы и длительно. Мир устроен по одному лекалу: действие вызывает противодействие. И если в

физическом мире они равны друг другу (наверное?), то в человеческом обществе зачастую противодействие на порядки может превышать действие, а если задерживается, то приводит к взрыву с трагическими последствиями для жизни участников конфликта, этноса, человеческого общества.

При несерьезном отношении к работе человечество ходит по опасному лезвию. Остановить могут только совесть и разум, данные нам природой ли, Богом ли.

Совестливого человека совесть будет мучить непрестанно. Думающий, у которого разум не спит, при небольшом размышлении может убедиться, что перекладывание работы на другого приводит тебя в смертельно опасную зависимость от того, на кого ты перекладываешь. Хотя в современном обществе с разделением труда эти закономерности сильно завуалированы, незаметны якобы, но только для неумных и бессовестных. Разумному и совестливому человеку всегда видно, работает он и потому живет, или живет, потому что на него работают другие! Поэтому хочешь жить со спокойной совестью и по-настоящему разумно, свободно и независимо – работай! Поэтому: да здравствует работа!».

Вот такова и выработанная за тысячелетия философия трудолюбия крестьянства, основанная на его глубоком понимании законов природы и жизни, а не на его «дурости», как думают «очень умные» горожане. Вот почему умению трудиться крестьян учили с малолетства. Поэтому при оценке любого человека они ставят на одно из первых мест его отношение к работе: работающий он или лентяй.

И еще добавлю о работе, потому что она – важнейший узловый момент в организации жизни, как отдельного человека, так и общества в целом.

Работа как процесс создания нового ли, добавления количества старого продукта, необходимого для жизни, обязательного условия для ее продолжения, как и все во Вселенной требует неперемennого участия в нем обоих начал – физического и духовного. Физическая и умственная работа должны быть неразрывны. Только при их совмещении работа плодотворна и будет обеспечивать жизнь человеку и человечеству в отведенный Творцом срок.

Любое дело предполагает предварительный умственный анализ обстановки и принятие разумного решения с учетом знаний и опыта (своего, предков, других людей), что и как делать.

Уход от выполнения этой части работы приводит к резкому падению ее результативности. Но еще более неприятное последствие – атрофия разума, попадание в рабское положение, в чернь.

Отношение к работе – важнейший критерий оценки людей. Есть самодостаточные люди, генетически способные понять очень простую истину, что только их работа может обеспечить при всех обстоятельствах их спокойную суверенную жизнь сейчас и на перспективу. Их не обманывает якобы легкость и красота жизни за счет других путем убийства, кражи или обмана. За все нужно платить. Расплата за легкость будет беспощадной.

Есть люди – паразиты генетические, как в животном и растительном мире. Они были, есть и будут. Такие люди желают и могут пойти на все, только бы не работать, только бы использовать плоды чужого труда.

Первая группа дает уверенность в спокойном и длительном существовании человечества. Вторая, наоборот, грозит вечными обрывами, кризисами, войнами, революциями и полным крахом.

Есть ли основания для оптимизма? Немного, но есть. В отличие от животного и растительного мира, все люди одарены Творцом разумом, который дает возможность работать, то есть жить самостоятельно, не паразитируя. Поэтому каждый, решая задачу организации своей жизни, в первую очередь должен проанализировать себя, что ему дано Творцом. А потом уже реализовывать даденное путем первого, второго и последующих действий, а не биться за то, что удалось другим. Ибо самое большое удовлетворение получаешь, когда чего-то достиг сам.

Уход (увод) человека от самостоятельной работы, от обеспечения своей жизни своим трудом, неминуемо превращает его в чернь.

Важно, чтоб в обществе не создавалась атмосфера героизма и доблести паразитирования. И самое главное: не допускать людей второй группы к управлению обществом, к чему они сильнее всего и стремятся. На мой взгляд, сильно продвинутым паразитам, как инвалидам, может быть, платить пособие (по безработице), но близко не подпускать к трудовым коллективам? Они заразят всех и разложат коллектив... А доблестными, героями общество всегда должно считать только людей трудолюбивых, трудоплодотворных. Это – условие существования человеческого общества.

Не в том только смысл, что убивать, красть, обманывать аморально и некрасиво, а в том, что это неизбежно ведет к разрушению жизни человеческой, к гибели всего человечества. К этому выводу очень не трудно придти. Только поднимитесь над фактами, поднимите голову от суеты сует и поразмышляйте не торопясь.

Для сохранения и развития разума надо его использовать, надо, чтоб он работал. Как известно, неработающий орган атрофируется. Самый лучший метод – творческая работа с решением разнообразных задач, как, например, у свободного крестьянина. Однообразная, монотонная работа усыпляет разум, приводит к его болезни.

* * *

Работа крестьянами организована при строгом учете природных условий. Ее технический и культурный уровень зависит от отношения государства: дает ли что-то оно крестьянству взамен взятого у него. Крестьянство может прожить без государства как машины управления (если своего не будет, будет чужое, и еще неизвестно иногда, какое лучше), образуя натуральное хозяйство, производя своими силами все. Как было в войну, например, когда государство брало много (средств, солдат), не давая практически ничего. И крестьяне жили и, надо сказать, терпимо, хотя оставались только женщины, старики и дети. Да, как и сейчас доживают оставшиеся старики и старухи в оставшихся далеких от цивилизации деревнях.

Итак, в чем особенность нашего климата? Короткое лето. Как быть в этом случае? Первое. Все, что можно, отложить на холодный период. Второе. Раз зимой есть время, а сельскохозяйственных работ нет – нужно вести дополнительное производство: и себя обеспечить, и собрать средства (капитал) для ведения успешного земледелия летом. Только «Емели», которые зимой на печке сидели, нуждались в кредите и брали его у богатых крестьян, попадая в кабалу по своей прихоти, а вина богатых крестьян, называя их кулаками. А справедливо надо было бы считать их более умными и трудолюбивыми. Но об этом расскажу потом.

А о некоторых технологических особенностях расскажу здесь подробнее. Например, технология уборки зерновых культур. Стеблестой жали (серпом) или косили (косой) и вязали его в снопы, ставя их на просушку и дозревание в бабки (рожь) или кучи (яровые зерновые). В конце лета и осенью снопы свозили в скирды на полях, где они хранились до зимы. Зимой снопы, просушенные с помощью солнца дозревшим зерном на санях по снегу (что гораздо эффективнее, чем на телегах по грязи) свозили на тока (сарай), где и молотили (или цепями, как раньше, или молотилкой на двухтактном двигателе, так как поставлять электричество колхозам власть считала нецелесообразным почти до конца 50 – х).

Таким образом, получали почти сухое, во всяком случае, полностью дозревшее зерно. При надобности его досушивали в овинах. Такое зерно можно было хранить в амбарах несколько лет, не торопясь продать за бесценок. Крестьянин был хозяином своей продукции. По имеющимся у меня данным, наши крестьяне возили по снежным дорогам свой хлеб на продажу в далекие края Костромской и Архангельской областей.

А теперь сравним с современной технологией. Срезают хлеб также до полного созревания (иначе осыплется) комбайнами, а зерно сушат потом с большими затратами энергии. Все это в цейтноте, так как в короткий срок срезается стеблестой и обмолачивается. Зерно сырое, с большим количеством сырых семян сорняков. Необходима высокопроизводительная техника с большим расходом энергии. Она, конечно, была сконцентрирована в закромах государства, куда быстренько, пусть по бездорожью и свозится зерно. Операция называлась сначала «сдача зерна государству – первая заповедь колхоза», потом – «закупка зерна государством» (но какая это закупка, если цена на многие годы продиктована одной стороной – государством). В результате хлебороб – не хозяин хлеба. Напрашивается вывод: вся эта технология уборки и увода продукции от земледельца создана с учетом только интересов «так называемого народного государства».

Помню, в 70–80 годах попытки ученых и специалистов (особенно в республиках Прибалтики) разработать альтернативные технологии («обмолот на стационаре») не были поддержаны государством.

Аналогичные «первозаповедные технологии» отбора продукции колхозов и совхозов действовали при производстве овощей и картофеля, при переработке животноводческой продукции. Все склады и перерабатывающие предприятия – у государства. Когда говорят о собственности крестьянина на землю неслучайно забывают об его праве на продукцию своего труда, но это уже политика. А мы продолжим пока без нее.

Возвращаюсь к преимуществам крестьянской технологии. Срезанные стебли (соломины) отдают своему плоду все, что ему нужно, чтоб стать полноценным. Это закон природы. При резкой сушке недозревшего зерна удаляется не только вода, но и многое другое. Поэтому оно становится щуплым. Качество его, разумеется, неполноценное. Это раз. Уйдя от крестьянской технологии, мы развеяли по ветру важнейший корм для скота – мякину (обертку зерновки), ненамного уступающую по кормовой ценности зерну. У крестьянина для мякины было специальное хранилище. А в голодные годы, когда у крестьянина «закупали» весь хлеб (продотряды, например), он сам питался мякинным хлебом.

Да и солома-то высушенная тоже приходовалась, складывалась возле зернотока в «ометы», свозилась для покрытия оград, подстилки скоту, чтобы потом стать полноценным органическим удобрением земли – кормилицы. Совершался полный круговорот веществ, чтоб не скудела природа. Благодаря соломе в хлеву было чисто, тепло (без подогрева батареями), и толщиной более метра зрел навоз, отдававший тепло не в небо, а в хлев, где к тому времени уже появлялись телята. А что крыша к весне оголялась, так уже и солнце начинало пригревать, а осенью новой соломой крышу покроем.

Сейчас же осенью, после битвы за урожай зерна идет битва против соломы. Ее нещадно, мокрую, грязную сволакивают в кучи, иногда в стога, чтоб не мешала, не путалась под ногами железных коней – надо же зябь поднимать! Чтобы весной сжечь ее (иные сжигают ее осенью). Копоть до неба стоит ужасная. Есть, правда, технология запашки соломы сразу, после комбайнов, с добавлением азотных удобрений. Но ведь цейтнот. Да и кто знает, хватит ли кормов для скота без соломы. Техническое оснащение крестьянских работ, конечно, нуждалось в срочном улучшении, но в глубоко обоснованную суть технологии надо было вникнуть и понять, перед тем, как что-то изменять. Вот вам, какие люди деревни, тов. Горький, вернее Пешков (фамилии русских были говорящие).

А какое уважение у крестьянина было к навозу, основанное на понимании важности его для повышения плодородия бедных подзолистых почв. Никогда не вывозили навоз зимой, когда шел процесс его создания. Весной, когда мужчины пахали и сеяли, все женщины и подростки (с 10 летнего возраста) были полностью заняты на вывозке навоза на паровое поле. Вывозилось все, до крошки, тщательно и равномерно распределялось по полю и запахивалось.

О никакой утилизации (модное современное слово) навоза речь идти не могла! Золото никто нормальный не утилизирует!

Скотные же дворы социалистических хозяйств утонули в навозе, а хранилища стоков из новейших животноводческих комплексов с гидросмывом до сих пор представляют огромную опасность для рек, озер и, прежде всего, для людей. Вместо того чтобы на современном техническом уровне в первую очередь создать технологии производства органических удобрений, все средства ушли на строительство химических комбинатов якобы по производству минеральных удобрений (очень нужных в других, известных целях), где попутно производили и удобрения. Я, конечно, не противопоставляю одно другому. Минеральные удобрения, как и другие агрохимические средства – великое достижение человечества. Но, посудите сами, логичнее сначала убрать и рационально, по-хозяйски (вот ключевое слово) использовать, что под ногами уже созданное имеется. Крестьяне не просто применяли безотходные технологии (как модно сейчас выражаются), а вся их жизнедеятельность была безотходной. Все более или менее съедобные остатки съедены животными, способное сгнить – в навоз, сгораемое – в печку и т. д.). Понятия «отходы» не было. А сейчас мы, очень умные и современные, утонули в своих отходах, как в городе, так и на дачах.

Можно было бы очень долго рассказывать о мудро решенных крестьянами агрономических вопросах, без всякого научного обеспечения. Поверьте, это действительно так. Мы этот опыт не осмыслили, пренебрегли им. Мы же умные, культурные, не то, что они... Остановлюсь только на отдельных, крупных.

Крестьянин знал без всяких приборов о каждом поле и каждом кусочке земли все, что могло повлиять на урожайность, как лучше использовать их. Он все годы внимательно наблюдал, запоминал и анализировал без устали, иначе ему было не выжить. Безымянных участков земли не было. В названиях урочищ заключалась обычно их характеристика: падь, болотина, бугор, гора и т. д. Крестьянин знал тот набор культур, которые на таких участках можно выращивать успешно, а что ни в коем случае нельзя. Когда его и как обрабатывать, засеять, убирать. Поэтому, чтоб никого не обидеть, каждый хозяин получал полосу на каждом поле.

В сегодняшних разговорах о ландшафте, адаптивно-ландшафтном земледелии как об исключительно ярком научном открытии (изобретении) не вспоминают почему-то, что это азбука для крестьянства, изложенная красивыми словами иностранного происхождения, а потому, видимо, «сильно» научными словами.

Это открытие только для тех, кто мог десятилетиями навязывать землеустройство, выполненное без топографических карт (они ж сугубо секретные – военные!), то есть без рельефа, с красивыми, большими полями, равного размера, нарезанными на бумаге по линейке. Для всего такого лоскутного поля одна культура и одна агротехника. А по таким полям следует «правильный» картинный севооборот во времени и пространстве. Но ведь даже в степи нет двух абсолютно одинаковых метровок (1м²)! А уж в Нечерноземье и подавно. Вот по таким умоглядным, красиво за столом сделанным схемам скручивали жизнь природы и живущего на ней крестьянства. Чтоб не завалить производство, специалистам приходилось потом делать по-своему, как надо, а зимой рисовать красивые истории полей для отчета начальству – рукамиводителям.

В своей нелегкой жизни, особенно в работе крестьяне все оценивали с точки зрения целесообразности. При обдумывании чего-то наперед никогда не отдавали и не могли отдать предпочтение несерьезным целям и делам. К примеру, главный показатель эффективности хозяйственной деятельности колхозов и совхозов в комсоветский период – урожайность никогда всерьез крестьяне не учитывали. Вятский крестьянин знал, что яровая пшеница дает невысокий урожай зерна. Но он ее сеял и получал (устойчиво по годам) зерно, необходимое для выпечки белого хлеба и праздничных кондитерских изделий. Знал он и что озимая пшеница урожайнее яровой, но не сеял ее, потому что в большинстве зим она вымерзала. Поэтому пред-

почтение отдавалось устойчивой к вятским суровым зимам озимой ржи, хотя ее зерно было и похуже и урожайность ниже. Риск в судьбоносных делах крестьянин исключал.

Со своих жизненных, а не показательно бутафорских комсоветских позиций, крестьяне определяли необходимость возделывания картофеля, ячменя, овса, гороха, льна, конопли и других культур, приспособленных к местным условиям. И с абсолютным недоверием воспринимали разговоры заумных идеалистов о чудо – культурах, в какие бы грозные постановления и законы они не оформлялись.

Помню, в 80е годы на Всесоюзном совещании по зернобобовым культурам, продукции которых постоянно катастрофически не хватало, несмотря на самые грозные постановления партии, мне резанул ухо постулат ученых специалистов: в Нечерноземье горох не вызревает, поэтому не нужно его здесь и сеять. Как не вызревает?

Это курс мудрых государственных чиновников на высокую урожайность, заставивший вести селекцию новых сортов с перекосом на один показатель – продуктивность, привел к созданию высокоурожайных сортов гороха, но позднеспелых с длительным вегетационным периодом. И основная часть России осталась без гороха.

Мы на картошке и горохе выжили и выросли. Эти два продукта в какой-то мере социалистическое государство все же оставляло нам. Картофель вывозить мешало бездорожье. А горох хотя и охраняли с ружьями, но нас голодных ребятишек сторожам «не хватало совести» прогонять с полей. Да и мы проявляли чудеса изобретательности, чтобы поесть гороха вдоволь незаметно.

С этим горохом запомнился один случай. Для развлечения расскажу. Году в 1950, наверное, освободившись по погодным условиям от работы пораньше, мы 11–12 летние отправились в соседнюю деревню Кугланур еще раз посмотреть какой-то фильм, у нас в деревне уже показанный. Да на нашем пути оказалось гороховое поле (ну, если в каком-то полукилометре). И мы решили «поужинать». Благополучно незаметно для сторожа устроились и наелись голодные до отвала. Прибыв в клуб к заходу солнца (а начиналось кино только в темноте – не по времени), заняли «свои ложи» на полу перед экраном. Начался показ фильма, шум которого заслонял бурные процессы сгорания гороха в наших животах. Соответствующий «дым» постепенно заполнял не слишком просторный клуб. К исходу фильма он дошел до задних рядов, где чинно сидели мужики. И тут раздался грозный вопрос:

Кто напер ... ел? Буду бить!

Мы, уже не раз наученные и знавшие нешуточность таких угроз, естественно, не откликнувшись, сразу сочли целесообразным, не досмотрев фильм, исчезнуть из клуба. Отдышавшись после шустрой пробежки и видя, что погони нет, мы успокоились и сначала чинно пошли домой. Потом с исчезновением страха возникло желание побаловаться, а «пороха» еще осталось много. В результате весь километровый отрезок пути по деревне сопровождался взрывоподобным нарушением тишины и сна мирно спящих возле окон граждан в низковатых избах Кугланура.

А по-серьезному, горох как высокобелковый продукт и углеводная картошка удачно совмещаются, дополняя друг друга. И никакой при этом оскомины. Всегда их хочется есть. И в разнообразном виде они потреблялись. И на первое (карфетница, гороховица), и на второе и на третье, и при хлебопечении.

Важнейшей культурой у вятских крестьян был лен-долгунец. Трудоемкая культура, требовательная. Но лен был незаменим. Благодаря ему имели мы полный суверенитет и независимость от государства по обеспечению разнообразными тканями, растительным маслом и не только. Многообразные и многочисленные работы от посева льна до одежды из льна проводились и моими руками.

В среде неграмотных крестьян всегда находились свои Мичурины, умные и терпеливые самоучки, которые создавали местные сорта возделываемых культур, приспособленных к при-

родным условиям и применяемым технологиям. Я не захватил Машкина Игната Кузьмича. Но наше поколение вдосталь воспользовалось плодами его садов и ягодников, заложенных и выращенных им в наших суровых климатических условиях (яблони крупноплодные и китайки, вишни, орешник, все виды смородины, малины, черемухи и рябины). Особенно хорош для малышни был его сад в центре деревни. А каких умных самостоятельных и порядочных детей вырастил он, расскажу позже. Агрономическое обеспечение в колхозе в военные и послевоенные годы неплохо осуществлял Колосов Иван Дмитриевич, хотя и учившийся, возможно, только на краткосрочных курсах.

Умно и рационально было организовано крестьянами животноводство. Очень точен выбор пород животных (лошади, коровы, овцы, козы, свиньи, куры, гуси, собаки и кошки), приспособленных к местным условиям и потребностям. Никакой экзотики. Максимум целесообразности в решении вопросов, что нужно человеку, что нужно животному. Значительная часть ноши по уходу за животными лежала на детских плечах. Поэтому я хорошо знаю существо этого вопроса.

Лошади рабочие, в меру быстрые и сильные. С лошадью крестьянин самостоятелен, ему ничего не страшно. Без лошади крестьянин – уже не крестьянин, а пролетариат, его место в городе, на услужении и на кормлении.

Коровы – молочного и мясного типа одновременно. Овцы – романовские давали и шерсть, и овчину, и мясо. Без тех и других жить крестьянин не мог. Об отходах продовольствия не могло быть и речи.

Крошки со стола сгребались хозяином в рот или в ведро для скота (ах, как не культурно! А валяющиеся на дворе батоны – не вандально?). Сброшенные в отходы продукты большого человеческого труда – высшая мера некультурности, пренебрежения к человеку.

Уход за домашними животными и их кормление – максимально благоприятные, в полную меру возможного, ресурсы делились практически пополам с хозяином. Без домашнего скота нашему крестьянину нельзя было выжить. Как и домашним животным без хозяина. Создавались условия с полным учетом требований каждого животного. Все в одной ограде и хозяин рядом. У каждого свое имя. По существу одна семья. Но глава – хозяин – крестьянин.

В пору моды на интенсификацию и соответствующие целевые программы (как обычно с громким и длинным названием) в начале 80х годов была реализована целевая научно обоснованная программа «Романовская овца». Этих овец свезли в двухэтажные современные, бетонные сооружения со всеми удобствами, где они и погибли вскорости. Эксперименты с животными (как и с людьми) очень опасны, а необдуманные и непроверенные – смерти подобны.

Организация сельскохозяйственного производства вообще требует выверенного прогнозирования, учета всего опыта, нажитого нашими предками. К тому же природа все время изменяется, нет двух одинаковых лет. Есть только в чем-то похожие. Поэтому для составления прогноза на несколько лет вперед нужен громадный интеллект, проще говоря, ум со специфическими особенностями и жизненным опытом. Иначе разорение и дальняя дорога... на пополнение пролетариата, у которого риска нет. Сказали – сделал – получил – съел, дальше опять ждать, что прикажут.

Любое дело, особенно с выходом на рынок, то есть товарное производство организуется в соответствии с имеющимися транспортными возможностями. Зачем производить, если не увезешь. В прошлое время транспортировка крестьянской продукции осуществлялась лошадьми, «бензином» для которых был овес. Поэтому большие площади и занимала эта культура. Максимум расстояния при таком транспорте – до речного порта или железнодорожной станции. В тех условиях не было возможности доставлять скоропортящуюся продукцию (молоко, мясо и т. д.) в переработанном виде. Поэтому продукция обрабатывалась на месте.

В советское время гужевой транспорт, для которого качество дорог не было определяющим фактором, прекратил свое существование. Для современного транспорта обязательна

современная дорожная сеть. Наше военизированное машиностроение попутно снабдило автомобилями и тракторами и сельское хозяйство. Построены были и прямые автострады, также с учетом в основном военных интересов. Но деревни и сельхозпредприятия так и не были подключены к ним. Какие-нибудь 15–30 км грунтовых отрезков делали производство сельхозпродукции неэффективным. В весеннюю и осеннюю распутицу возить молоко и другую скоропортящуюся продукцию – пример антиэкономики.

Хочу рассказать еще, как умно наши крестьяне решали вопросы переправы через нашу реку Пижма. Для использования пойменных богатств и заречных лесов, для езды летом на ближайший базар в село-городишко Арбаж, ближайший порт на Вятке Сорвижи и ближайшую (120 км) железнодорожную станцию Котельнич была необходима переправа.

Строительство постоянного моста потребовало бы проложить также дамбу длиной не менее 3 км, разрушило бы уникальную природную среду и стоило бы огромных затрат с неизвестным сроком окупаемости. Река-то летом небольшая, местами ширина не более 50 м, да разливалась весной широко, бурно и своенравно. Так вот каждой весной – в начале лета ставились лавы (мост) в одном и том же самом удобном месте. Рядом, на незатопляемой гриве хранились зимой материалы разобранных поздней осенью лав. Затраты на установку лав были небольшие. Работало обычно 6–8 мужиков в течение 2–3х недель. Технология работ передавалась из поколения в поколение. Запомнилось мне, как мужики орали с матерком свою «дубинушку», забивая тяжелой дубовой «бабой» сваи в дно реки. К началу июня обычно лавы были уже готовы. Они, выдерживая вереницу конских повозок с грузом, проходящее стадо коров, грузовую небольшую автомашину («полторку»), полностью удовлетворяли тогдашним потребностям нашей и ближайших деревень, абсолютно вписываясь в природную среду.

Да, вспомнилось еще вот что. Период, пока лавы еще не поставлены, мы – ребята эффективно использовали для зарабатывания денег, перевоза весной через реку на лодке жителей чужих деревень, шедших на базар в Арбаж или обратно с базара. А иначе на какие деньги мы б ходили в кино, единственное «высококультурное» мероприятие в деревне без радио и электричества?

Многие говорили (да и сейчас говорят ученые марксистско-ленинского толка) о необычайно развитой коллективности русского народа и особенно крестьянства, его общинности как национальной особенности. Кстати, община была у всех народов, но только на первобытной стадии их развития (ну, как скажите, можно было убить мамонта каменными орудиями в одиночку).

У нас эта первобытность задержалась не из-за климатических условий (в Финляндии условия не менее суровые, но община благополучно прекратила свое существование в начале XVIII века по решению их правящей элиты, понявшей, что она сдерживает экономическое развитие страны). И не из-за генетических особенностей российского крестьянства, а из-за особенностей нашей правящей элиты, которой показалось удобной эта первобытная реформа для управления жестко закрепощенным своим «простым» народом. И они продлили ее существование до конца XX века.

Много говорят о «помочах». Да, при крестьянствовании без «помочи» не обойтись. Я видел их и участвовал в них. Объединялись строго по выбору. У «Емелей» на генетическом уровне заложено желание при любой работе «немного вздремнуть», вилы воткнув в общий пласт и картинно кряхтя при этом. Их знали (отметина на таких семьях сохранялась длительно), и с ними никто не объединялся и в их «помочи» не нуждался. А если уж объединялись поневоле, то учет общества, артели был жесткий и нелицеприятный.

Например, такая работа как сенокос, когда надо быстро из-за опасности дождя скосить, сгрести и, главное, застоговать большое количество сена (в малой копне сено промокнет и испортится). Заинтересованность в эффективности этой работы оставалась и в комсометское время. Сено государство не отбирало, его потом делили в соответствии с вкладом труда на

его заготовку. Каждая бригада делилась на 2 группы, чтоб численность была оптимальной для осуществления этих работ – не больше и не меньше. Чтоб не было сговора, каждый год по-разному: то по сторонам улицы, то – по концам. Каждый год в группе разные люди и другие групповоды. Должность групповода (ведущего группы, а не рукामоводителя) была очень важной. Он и организовывал работу и учитывал вклад работающих (одновременно работая и физически наравне со всеми!). Выборы групповода и его доклад по окончании кампании обсуждался на групповом собрании. Более глубокого, обстоятельного и заинтересованного собрания я в жизни своей не знал! При оценке вклада каждого участника работ учитывалась ширина покоса, занимаемое место в ряду косцов (первый – лучший, последний – самый слабый по скорости кошения). Также оценивались и другие работы. Ежегодно менялись для бригад и групп и отводимые площади лугов, ибо равнозначных по качеству лугов не было. Такая организация комплексных работ была полностью справедливой: не лишая возможности своим трудом зарабатывать больше, исключала «езду в рай на чужом горбу».

Групповодами выбирали самых авторитетных мужиков. Они разные. Каждый со своими недостатками и достоинствами. Но такие, которым дай волю и землю, накормили бы несколько России. О тех, кого я знал, работая под их началом, не могу не написать глубокоуважаемых слов.

Новиков Максим Акимович – фронтовик, родственник раскулаченных. Себе на уме. С саркастической, но доброй полуулыбкой. На все руки мастер – и на старинное и на современное, спокойно управляясь с любыми машинами и двигателями, не окончив никаких курсов. Вырастил и выучил трех красавиц и одного парня. Под стать ему была его жена – Настя, как звали мы Анастасию Дмитриевну.

Вахрушев Николай Андрианович – отец моего друга Ванюрки. Когда был на фронте, от молнии погибла его жена. Никогда не торопился, ходил с внешне ленивой походкой. Ни одного лишнего движения в деле. Но за ним ничего не надо переделывать. Все распоряжения – без крика, толковые. Из богатых крестьян, владевших кузницей.

Колосов Иван Васильевич – фронтовик, безвременно умерший от рака в 1953 году. Чрезвычайно справедливый, очень работающий, как и его жена Феклинья. У него был большой ухоженный дом. Его мать была моей крестной.

Колосов Андрей Афанасьевич – родившийся в далеком XIX веке. Воевали несколько его сыновей, да не все вернулись. Его жена Федоринья от переживания за них потеряла здоровье, не могла работать в колхозе. Но оставшиеся дети получили высшее образование (стали врачами, геологами), что для деревни было редкостью. Андрей Афанасьевич – деликатнейший, с хитрющими глазами, негромким голосом (никогда ни одного матерного слова), непьющий. Золотые руки. Стога, которые он ставил, никогда не кривились ни на один бок.

Машкин Николай Владимирович – фронтовик. Его отец был единственным мастером в деревне по изготовлению изделий из бересты: пестерей (вещмешков), бураков, туесов и т. д. Его мать, Павла, была родственницей моей бабушки по отцу (Соломонида) и также родом из деревни Алешичи (что за Пижмой). Николай Владимирович был очень порядочный, совестливый и трудолюбивый. Переживания за бессмысленную жизнь в деревне толкнули его к алкоголю, к трагической безвременной гибели.

Машкин Василий Павлович – фронтовик. Необычайно физически одаренный. Когда он парнем дрался, противники с гораздо большим весом отлетали от него, как пушинки. Его покосево было самое широкое. Помню на рыбалке весной, когда лед только сошел, он отцепил невод с глубины 5–6 м без всяких последствий для здоровья. Ничего не получая за ударный труд, пристрастился к алкоголю с трагическими последствиями, но со временем и из этих обстоятельств выбрался, и в пенсионном возрасте доживал с женой в постсоветские времена в просторной усадьбе в отстроеном большом доме.

Машкин Михаил Игнатьевич – 1925 года рождения, призванный в 17-летнем возрасте на трудовой фронт. Работал в приполярных условиях на военном заводе до окончания войны. Мой сосед. Кряжистый как дуб и одновременно энергичный и ловкий. Один из атаманов парней нашей деревни, не проигравший ни одного «сражения». Это его отец – Игнат Кузьмич – наш «Мичурин». Михаил Игнатьевич был квалифицированным механизатором широкого профиля. Любил и мог философски глубоко осмысливать жизнь.

Его старший брат, Сергей Игнатьевич, фронтовик, по состоянию здоровья не мог заниматься физическим трудом, был очень уважаемым в деревне человеком чести, умным, исключительно выдержанным, немногословным, заслуженно входил в актив управленцев колхоза.

Новиков Петр Феофанович – 1931 года рождения. Наш сосед, надежный, преданный друг моего брата Анатолия, веселый, умный, никогда неунывающий, энергичный работник на все руки, гармонист, удостоенный за доблестный труд правительственной награды, потом успешно работал бригадиром, но рано, не дожив до 50 лет умер от рака. Его племянник, единственный в округе, был народным депутатом СССР в последние годы перестройки.

Новиков Николай Николаевич – фронтовик. Молчаливый, даже угрюмый с виду, но добрый по большому счету. Медленно, но глубоко соображающий. Управлял группой без ошибок. Хотя управлять другими – не его хобби. Но свое дело делал основательно. Необычайно сильный, просто как бык. Единственный, кто мог поднять целую копну сена на стог. Но ни в каких драках никогда не участвовал. Его жена, худенькая, подарив ему несколько детей, умерла рано. И он тоже ушел за ней преждевременно.

В нашем верхнем конце жили рядом два брата. Новоселовы Семен Никитич и Иван Никитич – довольно успешно управлявший колхозом Семен (уроженец XIX века) и нашей четвертой бригадой Иван (инвалид войны, без одной руки). По прошествии многих лет, по моему, никто из их подчиненных не бросал камни в их след. Семен Никитич скончался вскоре после окончания войны. Мои детские воспоминания о нем ограничиваются лишь случаями, когда по неделе он, изрядно выпивший, ходил по деревне с гармонью и распевал задорные частушки. А пел он, упоив и выпроводив очередного уполномоченного, выполнявшего коммунистическое задание снять с нас последние штаны, но после «встречи» обещавшего дать деревне железа для кузни и не губить нас, еле-еле концы с концами сводивших баб, стариков и детей, большей частью оставшихся без отцов.

Ивана Никитича я знал больше, и ребенком, и работником – колхозником 8-16 лет. Помню нас с Ванюшкой Вали Мишихи (Новиковым Иваном Михайловичем, по моим сведениям, достойно выдержавшим испытания комсоветских времен и живущего где-то в промышленном Урале) лет пяти первый раз взяли на сенокос. Естественно, не работать, а для развития кругозора по нашей клянчевой просьбе с выездом из дома сразу при восходе солнца.

Когда все взрослые ушли косить пока роса, мы, оставшись на рабочем стане, на краю солнечной поляны, окруженной с одной стороны могучими дубами, а с другой – зарослями веселеньких берез и осин, нашли веселое занятие – зорить осиное гнездо на ветви развесистого огромного дуба. Сначала бросая палки и отбегая при осином шипении. Когда же мы пошли в решительное наступление, подняв вдвоем длинные деревянные вилы и воткнув их в осиное гнездо, рой здоровенных ос (их особое деревенское название «девятерики») бросился в ответ на нас и как следует искусал. От нестерпимой боли мы заревели и долго еще обидчиво хныкали.

Вы чего, робяты, нюни распустили? – спросил подошедший Иван Никитич. – Пойдем-ка со мной есть смородину!

Мы, конечно, моментально согласились, и слезы наши быстро испарились. Смородина росла в болоте (никак не вспомню его название), густо заросшем ивняком, с большими кочками осоки, но летом высыхающем – в одном из концов поляны. Ягоды смородины и черной и красной были страшно вкусными, которыми мы никак не могли наестся. Поэтому, когда

Иван Никитич сказал, что пора уходить, мы упросили его нас оставить и убедили его, что мы знаем, как выйти из болота.

Долго ли, коротко ли мы еще крутились между кочками выше нас, объедая один куст за другим, но внутренний голос подсказал нам, что пора уже заканчивать. Когда мы выбрались на поляну, неожиданно обнаружили, что поляна незнакома, окружена страшным темным хвойным лесом. И мы, громко заревев, быстро побежали по краю поляны, неизвестно куда ... Долго ли, коротко ли мы бежали, начисто потеряв и оптимизм и разум, но вдруг видим – наши люди идут нам навстречу, поблескивая поднятыми на плечи косами... Неожиданная была для нас радость.

Прошло еще 5 лет. На очередном бригадном собрании (а мы ребятня почему-то считали целесообразным на них присутствовать) Иван Никитич вдруг сказал, что Ленке (т. е. мне) пора, уже можно, поручить самостоятельно работать (кстати, и другим моим ровесникам), закрепить за ним быка (лошади в тот год у нас болели заразным заболеванием) телегу и соответствующую сбрую. Он уже может и умеет работать.

Иван Никитич очень милосердно относился к женщинам, а по нашему словарю деревни – к бабам, которые исстрадались без мужиков. И они к нему, сломя голову, одна за другой липли, не выдерживая своих мук. С одной из них он вынужден был, оставив свою семью, уехать из деревни ... Но, хороший он был человек!

Не могу не присоединить к этому списку моего отца Колосова Ивана Александровича, 1890 года рождения и старшего брата Колосова Михаила Ивановича, 1914 года рождения. Оба они внесли большую лепту в социалистическое преобразование, а лучше сказать ломку деревни, но об этом остановлюсь позже. А сейчас об их работе в мои годы (в войну и после войны).

После исключения из партии и ухода из лидеров к большой радости моей мамы с 5-ю ребятами по лавкам, (О причинах, болезненных для него, в семье нашей не говорилось, поэтому подробности не знаю). Я видел отца в работах колхозником на общих основаниях. Работал умеючи, добросовестно, ударно. В сенокосных кампаниях его неоднократно выбирали групповодом.

Михаил, участник битвы под Москвой, после серьезного ранения был комиссован и работал в районном центре на какой-то важной должности. Перед укрупнением колхозов в числе очередных «тысячников» был направлен в наш колхоз председателем. Управлял достойно, держал дисциплину. Критиковал его за упущения на собраниях, как говорится «не взирая на лица», лишь отец, которому люди все рассказывали.

Много интересных, самостоятельных крестьян было и в других концах деревни, но подробности о них не знаю. Упомяну лишь трех «оппонентов» отца, с которыми он спорил основательно, как с политическими «оппортунистами».

Куликов Иван Куприянович, фронтовик. Крепкий мужик, самостоятельный, деловитый, но не торопливый. Громких слов от него я не слышал. В один из моих кратковременных приездов в родную деревню я увидел на большом, просторном доме Ивана Куприяновича таблицу «почетный колхозник». В последующие приезды, когда я начал по – seriously уже размышлять о судьбе крестьянства и деревни, я внимательно вглядывался на кладбище в фотографию Ивана на памятнике. (Все бойцы революционных боев были уже там, за исключением расстрелянных «кулаков» и убитых на войне). На меня смотрели его внимательные, очень критичные глаза умного человека.

Новиков Алексей Захарович, фронтовик, основательный мужик, умевший умно беседовать и обстоятельно выступать на собраниях. Его дочь Тамара (по моему, единственная) успешно училась со мной в одном классе. Насколько мне известно, получив образование, живет где-то в городе.

Расхождения наших отцов не сказались на наших отношениях. Они были дружественные, уважительные.

Новиков Ефим Климентьевич, одного возраста с моим отцом. Жил в богатом доме. Говорил с усмешкою. Его последний сын Семен, года на четыре старше меня, перед призывом в армию в семилетке учился со мной. Похожий по характеру на своего отца. Никаких идеологических расхождений между нами не было. Моего отца очень возмущало, что один из старших его сыновей Сашко (я его не знал) отзывался о Гитлере, что он «не дурак».

А ведь это только небольшая часть бывшего крестьянства деревни. Без репрессированных во время ломки деревни и убитых в войне.

И как я мог, на отлично сдавая многочисленные экзамены по марксизму-ленинизму, спокойно, не задумываясь повторять положения этого «учения» о реакционности крестьянства и идиотизме деревенской жизни. Конечно, можно оправдывать себя забитостью всеохватной идеологической обработкой, так как корысти особой не было. Вот при таких размышлениях проходит преувеличенное представление о своем интеллекте.

А теперь вернемся к продолжению доказательств приспособленности крестьян к природным условиям не только в земледельческих делах.

Наша деревня отличалась высоким уровнем развития промыслов. По переписи 1891 года, когда статистика была объективной, на 111 дворов деревни было 142 мастеровых человека. При благоприятных природных условиях (о которых сказано ранее) это способствовало зажиточности большинства ее жителей.

Наличие большого запаса глины у Крутого лога возле Пижмы и удобный доступ к ней были использованы для производства кирпича Вахрушевым Иваном Викторовичем, пожалуй, самым способным и поэтому самым богатым в деревне, сосланным и расстрелянным комсомольской властью. Единственный в округе каменный дом с львиными барельефами, как памятник, стоит до сих пор.

Его эстафету по изготовлению кирпича подхватили братья Вахрушевы Виктор и Семен Платоновичи в период НЭПа, что позволило им быстро стать зажиточными, а комсоветам – раскулачить и их.

В годы войны колхоз возобновил было производство кирпича в бесхозном, заброшенном «заводе». Я, малышом будучи, помню, как работал с тачкой мой ближний по возрасту брат Анатолий (1931 года рождения), иногда катавший вместо кирпича меня. Без заинтересованного и знающего хозяина дело не пошло. В развалинах «завода» мы стали играть в войну.

Колосовы Василий Фролович и Михаил Харитонович организовали маслобойное производство из семян льна. Представляете пресс на лошадиной тяге? Мальчишкой 8–9 лет, как и все другие мои друзья, я работал погонялой лошади на этом маслозаводе, ставшим колхозным. Я крутился вместе с лошастью целый день вокруг столба, от которого через деревянные шестерни вращение передавалось на пресс. У лошади один глаз был прикрыт. Кроме пустого (лишь на бумаге) трудодня, мне давали за работу съесть ломоть хлеба с теплым ароматным льняным маслом. Для нас, полуголодных, это было непередаваемым наслаждением. До сих пор вспоминаю его! Более сорока лет уже нет ни льна, ни завода!

В деревне было три мельницы: водяная (я уже ее не видел), ветряная и паровая. Кто конкретно создавал их и владел ими, я не знаю. Но одно точно могу сказать, что это были умные и находчивые, предприимчивые крестьяне, которых потом обозвали кулаками и подкулачниками и жестоко судили. А их награждать бы надо! На ветряной мельнице, которая долго служила нам в полуголодное колхозное время, я даже работал – молот себе зерно на муку для хлеба. В 13–14 летнем возрасте (отец лежал в больнице) таскал мешки с зерном наверх по нескончаемым крутым ступеням на подкашивающихся ногах, а потом гордый (ведь я взрослое дело уже могу делать) принимал теплую муку в мешки, с удовольствием пробуя ее на вкус. Мои друзья, оставшиеся без отцов, занимались этой работой регулярно.

Паровую мельницу (работала на паровом двигателе, электричества у нас не было еще несколько лет) возродили было в 1954 году, но из-за неумения и безответственности сгорела она вскорости. Пожар этот помню – тушил головешки.

Благодаря наличию в пойме Пижмы дубовых рощ (а во всей округе их не было), предприимчивые крестьяне организовали цех по производству дубовых полозьев для саней и изготовлению саней. Мастерами этого дела в до- и колхозное время были Новоселов Семен Никитич, Новиковы Аким Михайлович с сыном Максимом (Аким Михайлович и его родственники, наверное, и создали этот цех, иначе зачем бы его признали и репрессировали как подкулачника. Правда, не как кулака, которых выселяли, – ведь в нашей местности без саней никак нельзя). Нам ребятишкам запрещено было входить в цех – опасно для жизни. Тесины дубовые распаривали горячим паром, затем загибали. С уходом мастеровых в мир иной (или в городской) и цех ушел в небытие.

Огромные возможности для обеспечения жизни предоставлял наш лес, лесозаготовки, сплав леса по рекам и лесопереработка. Для собственных нужд деревня обеспечивалась из ближнего леса и в любое время года. Зимой же все свободные мужики (кроме Емелей, которые на печке сидели) работали на лесозаготовках в верховьях реки, потом сплавляли его. Возле деревни была установлена пристань для сплавленного из верховьев заработанного леса. Остальной лес плыл дальше до Каспийского моря. Мы, ребятишки с риском для жизни забирались на причаленные заночевавшими бурлаками плоты и заготавливали себе смолу с бревен (серой мы ее называли). Смола с бревен, омытых студеной водой, была не липкой, вкусной, и, думаю, очень полезной для наших зубов (да, наверное, не только для зубов). До 24–25 лет, не представляя до 17 лет, что такое чистка зубов какой-то пастой, я не знал зубной боли!

В 1949–1950 гг. в колхозе была построена пилорама на паровом двигателе под руководством специально арендованного инженера. Помню, в зимние каникулы бригадир дал наряд мне отвезти его за 8 км в Пачи (после успешного окончания строительства пилорамы). Зная, что на трудодень за эту работу я ничего не получу, инженер дал мне 1 (один) рубль. В сельповском магазине (там был выбор побольше, чем в нашем) я купил пряников, наверное, грамм 300. Лошадка домой, как обычно, бежала споро, без понукания. Подняв высокий ворот полушубка и зарывшись ногами в сено, я хрустел с величайшим наслаждением крепкими как камень, но сладкими пряниками (мы сахара не знали в те годы), зажмурившись на низко висящее и еще не очень теплое солнце и мечтая: неужели возможна такая жизнь, когда можешь есть столько пряников, сколько хочешь?!

В минуты и часы трудностей и отчаяния во всей последующей жизни я всегда вспоминал этот случай, моментально успокаивался и наливался бодростью! Нет худа без добра, как и добра без худа. Не познавши горя, не оценишь радости обыкновенной.

А на построенной пилораме, повзрослев, в 13–15 летнем возрасте мы с моими сверстниками-друзьями Ван Юркой Андриановым, Ванюшкой Вали Мишихи, Ванюшкой Мани Пашихи и Сюркой Василия Фроловича, немало поработали, как возле пилорамы, так и на подвозке шестиметровых брёвен на дровнях (две пары колес от телеги) с пристани. За пустые трудодни. Поэтому не удивительно, что ни один из нас в деревне не остался.

Все мужики владели плотницким мастерством. А хороших столяров было мало. В мои годы – это братья Новиковы Александр, Алексей и Яков Саватеевичи. Ранее в НЭПовские времена братья Вахрушевы Алексей и Павел Ивановичи активно развернули строительство домов с красивыми резными наличниками, за что и поплатились. Алексей был сослан и расстрелян, а Павел как бывший матрос с Авроры был «просто раскулачен».

Весь сельхозинвентарь мужики делали сами (грабли, вилы, черкухи и сохи). Кто лучше, кто хуже. Но особым мастерством славился Машкин Николай Петрович, живший на хуторе, делая их и на продажу. Но по счастью или случайно он не был репрессирован.

В середине деревни, в излучине Вынурки на песчаной не заливаемой вешней водой косе располагалась большая, из двух отделений кузница, построенная, как я полагаю, «кулаком» Вахрушевым Осипом Кирилловичем и его предками. Его сын Вахрушев Андриан Осипович, в мои годы уже был стариком и при мне в кузнице не работал, но в его ограде лежало много железных изделий и инструментов. Мы с его внуком Ванюшкой часто бегали к кузнице, любимое место всех мальчишек деревни. Мы, конечно, надоедали кузнецам. Но за то, что мы не отказывались качать поддувало горна, они пускали нас во внутрь кузницы. Было интересно смотреть, как из расплавленного железа ковались всякие детали (зубья для борон, гвозди-шпигли, ножики для нас и т. д.), как подковывают лошадей.

Не могу в этом месте не рассказать о Ванюшке. Он со старшим братом Мишкой жили тогда у дедушки без отца (он был на фронте) и матери (погибла от молнии). Звали мы его «Ванюшка Адрианов» (по дедушке). Жизнь наша у всех была несладкая, а уж их сиротская – не приведи, Господи! Закаленность его была чудовищной, босиком – от снега до снега. И не болел никогда. Очень ловко и быстро плавал. Рассказывали мне, на соревновании общества «Урожай» в открытом холодном бассейне осенью многие отказались плыть, а он поплыл и стал чемпионом. Не знаю, сколько он сумел окончить классов, ему не в чем было выходить на улицу зимой, он вынужден был зимой сидеть на печке.

Много у нас с ним было происшествий. Расскажу здесь об одном. В первый год нашей официальной работы по трудовой книжке колхозника. Было нам уже по 10 лет. Возили мы навоз на закрепленных за нами быках (волах) на дальнее поле за речку по направлению к Куглануру. После обеда была духота, чувствовалось приближение грозы (мы уже тогда понимали «метеорологию», не зная, правда, такого слова). Хотели переждать, но бригадир сказал:

– Робяты, не шутите, надо работать!

И мы поехали. Как отъехали с полкилометра за речку, налетела страшная буря с сильнейшим встречным ветром, закрывшим пылью весь белый свет – в трех метрах уже ничего не видно. Сильнейший ливень, беспрестанные молнии и грохочущий гром, величиной с яйцо град колотит до синяков через легкую рубашонку и короткие штаны по босым ногам и голове ...

Бык развернулся резко назад, и, опрокинувшись, телега освободилась от навоза ... Неизвестно откуда взявшимися силами я поставил телегу на ход, и мы с быком понеслись назад. Я не мог бросать быка с телегой, пока не переедем мостик через речку, иначе он мог свалиться в речку с телегой и утонуть, а нам нечем расплатиться тогда за его погибель! Лишь когда перескочили мостик, я бросился бежать за сарай, а бык влетел в заросли ржи ... К сараю через минуту прибежал и Ванюшка. Мы, наставленные школой и уже ставшие «атеистами», в этом «содоме» громко ревели навзрыд от пронизавшего нас насквозь страха и причитали, крестясь:

– Господи, спаси и помилуй, Господи, спаси и помилуй, Господи, спаси и помилуй.

Когда немного поутихло, мы добежали до крайнего дома нашей родной деревни. От страха ли, холода ли, от побитости ли у нас обоих пропал голос. Бабушка, вроде Анастасия, (ни бабушки, ни дома этого уже давно нет), ничего не спрашивая, провела нас на теплую печку ...

Однажды (примерно в 1970 году) пришел я на футбол в Лужники. Ба, а рядом Ванюшка (Иван Николаевич Вахрушев) сидит. Оказалось, он служил в армии возле Москвы, как-то женился тут и вот возит на автобусе футболистов «Торпедо» ... Но дальше ... Эх, выносливейший в деревенской жизни, он без грамотешки не сумел приспособиться к городской беззаботной жизни и ... спился мой самый близкий друг детства.

Это только сказать легко – приспособиться. Когда покидаешь от рождения обжитое место, теряешь прежний мир. И самая большая трудность на чужой стороне в новом незнакомом мире, кажущемся (да и не только) враждебным, найти смысл, умиротворить свою ноющую душу. В мире, куда тебя не звали, появление твоего не ожидали, более того встречают вопросом: зачем ты явился в наш мир (ведь город – для городских, Москва – для москвичей, Россия – для русских).

А чем успокоить ноющую душу. Водкой. Она быстро успокаивает ... на какое-то время ... а потом, привязав к себе ... уводит в безвозвратную пропасть.

Уверяю вас, городские умники, кривящие губы («лимита», «дьяревня» с одной извилиной) при виде нас, убежавших, не по своей воле из комсоветской деревни: попав бы при таких же условиях в деревенский мир, вы бы выглядели также неважнецки, по вероятности, с той же перспективой.

Теперь вы так же кривите губы при виде мигрантов, обслуживающих вас. Своей «дьяревни» – «лимиты» уже нет. Вычерпали резервуар. Будьте добры, принимайте мигрантов!

В сторонке от деревни, за кустиками ивняка притулился неприметный овин, где все жители тайно выделывали кожи. Запах там стоял неприятный. Почему тайно? Любимая комсоветская власть бесплатно отбирала у крестьян не только зерно, мясо, молоко, яйца, но и обязывала сдавать государству все шкуры забитых на мясо животных. За укрытие было предусмотрено наказание. Ее не волновало, что в нашей местности практически не было зим без морозов 35-40 °С и более, да с ветром. Без трюхов, тулупов, полушубков – труба! Да и без сапог в весеннюю и осеннюю распутицы в лаптях негоже! А теплой одеждой нас никто не снабжал, да и денег не было, чтоб ее купить.

Как уж оставались у крестьян шкуры, рассказать не могу. Доносительство в нашей большой деревне, к сожалению надо сказать, присутствовало. Но в вопросе шкур тайна сохранялась. Ведь и доносителям пришлось бы замерзать.

Все мужики, кто хуже, кто лучше умели выделывать кожи. Даже я успел эту технологию узнать, начиная от снятия и сушки шкуры, до пошива полушубка и яловых сапог. В полушубке было легко и тепло. А как блестели сапоги, смазанные дегтем. Кстати, деготь также продукт крестьянских рук из древесной смолы.

Особое мастерство было необходимо для изготовления валенок. Лучшими пимокатами деревни были братья Новиковы Алексей, Александр и Яков Савватеевичи. За что Алексея и Александра революционная власть обозначила подкулачниками, а младшего Якова пожалела, видно. Да и кто же бы валенки-то катал и для нее! Особенно мне нравились валенки, сработанные Алексеем Савватеевичем.

Надо знать, что дело это очень нелегкое, трудоемкое. Особенно длительная и нудная операция – взбить шерсть. В колхозе приобрели было шерстобитную машину, но без постоянного хозяина ничего не получилось.

Да, какие были самостоятельные и порядочные братья Савватеевичи! Громкого слова от них не услышишь. Добрая приветливая улыбка. Не пили, не курили. Дома у них были крепкие, все пригнано, обшитые тесом. Мебель в избе самодельная, но ладная! Система деревянных шестеренчатых передач позволяла легко и быстро поднимать воду из колодца. Александр к тому же был смышленным слесарем по железу.

Из-за не вынутой пули с 1-й Германской войны Яков Савватеевич не мог выполнять тяжелые работы, был конюхом. Как повезло лошадям и нам, ездовым малолеткам, с таким добродушным и внимательным конюхом!

В деревне было несколько портных, но, пожалуй, одним из самых квалифицированных – мой дед Колосов Александр Ивольевич. Роженого где-то в 50-60-х годах XIX века, его готовили в солдаты, но на призывном пункте в г. Яранске он оказался лишним. Хорошо, что будущих солдат, в отличие от других крестьянских детей, учили и грамоте, и профессии. Относительно образованный, овладевший профессией портного, он быстро вошел (вернулся) в деревенскую жизнь, хорошо отстроился. Став уважаемым в деревне, немало лет избирался старостой. Сына своего 18-летнего Ивана, моего отца, женил на 17-летней дочери покойного волостного начальника. И всех обучил портняжному мастерству. Отец и мама мои шили только для себя. А сестра отца Екатерина и ее муж Лаврентий Новоселовы шили профессионально,

хорошо на этом зарабатывали и от греха подальше уехали жить в Черлакский р-н Омской области.

Знаю, были в деревне и сапожники, но забыл, кто именно. Часто работали сапожники из других деревень, живя по очереди в наших домах.

Практически в каждом доме (за исключением, естественно, Емелей) был ткацкий станок и все другое оборудование к нему. Я еще захватил те годы, когда долгими зимними вечерами женщины пряли нити из льняного волокна, разговаривая друг с другом, сидя на пряхках и быстро крутя веретеном.

В конце зимы мама подключала меня к дальнейшей ткацкой работе (дочерей у нее не было, поэтому помощниками у нее были младшие сыновья): на мотальном станке, особенно «вдевать нитки в ниченки» – легкая, но очень нудная, требующая большего терпения и усидчивости работа. За окном Ванюрка-то кричал: «Ленька, пойдем «побегать» (гулять). Получавшаяся ткань – холстина была разных сортов: на верхнюю и нижнюю одежду, на мешки, перины, половики, коврики и т. д. Она отбеливалась путем расстила на весеннем, чистом, освещаемом солнцем снегу. Подсинивалась при надобности (например, на портки – брюки). Очень красивые половики получались у нашей соседки Новиковой Ефросиньи Артамоновны. Да, ведь у ней были хорошие помощницы – три дочери: Валентина, Анна и Мария.

Только Машкин Владимир Максимович (он умер, когда я еще маленьким был, но все звали его «Володя») владел мастерством изготовления из бересты бураков (бидонов), пестерей (рюкзаков). В бураках возили в поле или на сенокос молоко, а в пестерях – всю остальную пищу. И те и другие – очень легкие, удобные. В них содержимое не мялось, не нагревалось и не скисало. С пестерями ходили за грибами, носили рыбу с рыбалки.

Не все, но многие мужики владели искусством плетения лаптей (обуви) из лыка (очищенного от коры луба молодых побегов липы), разнообразных корзин из ивовых вич (молодых побегов). К сожалению, плести я не научился, но видел, как все делается. Моя задача была простая – драть лыки в лесу, резать вичи у реки и носить их домой. Когда я подросток, все это уходило из жизни деревни.

Помню лишь, как я продавал лапти, чтоб купить учебники для 6-го класса. Приехал я на лошади на базар в селе Арбаж (это через Пижму и лес, около 12 км), встал в лапотный ряд, расслабил чересседельник, дал лошади сено. Стою час, стою два, наверное, – часов у меня тогда (но и по солнышку видно), естественно, не было. Покупатели приходят, примеряются, но не покупают. Как же так, – думаю, – так можно без учебников остаться. Дай-ка я снижу цену. Снизил. Торговля пошла споро, осталось не больше двух пар лаптей. И тут подходит мужик:

– Вот что, молокосос – чтоб твоей ноги тут не было, а то ...видишь, цену сбил, пацан!

Я знал, как могут за такое дело бить, не обращая внимания на возраст!!! Быстренько наладил сбрую и погнал лошадь, оглядываясь, не гонятся ли за мной. Забыв и купить на вырученные деньги учебники. С законами рынка не шутят. Этот опыт помог мне в начале 90-х, когда страна входила в рынок.

Благоприятное расположение деревни возле реки было использовано крестьянами сполна. Несудоходная Пижма весной разливалась на 3–4 км в поперечнике, затопляла все озера, старицы, ложбины. И в берега не входила иногда до месяца из-за большого количества снега. Рыбе было в затопленных лугах исключительно привольно и комфортно, наверное. Она нерестилась, оставляя миллиарды мальков в оставшихся после окончания разлива в больших и маленьких озерах. Мы их, подросших за лето, ловили всеми возможными способами. И что удивительно, рыбы тогда не становилось с годами меньше!

Наверное, запруды на Волге с позеленевшей водой – главная причина? Во время разлива на рыбных путях ставили фитили (одинокие из вич корзины – морды – по способу чернильницы-непроливашки, рыба входит, а выйти не может, с поплавком, чтоб найти). Затем, когда весенняя вода начинает спадать, на протоках из озер и стариц устраивали запоры. Этот вид

ловли давал самые большие уловы, исчисляемые центнерами. Основная рыба – язи. Для перегораживания протоки использовали чал – тонкие высокие дощечки, перевитые лыком в 2–3 ряда. Дощечки изготавливали из сосновых бревен, сплавленных по реке, а потом высохших на солнце. Бревно легко расщеплялось по годовым кольцам. Если верх запора невысоко над водой, язи перепрыгивали через него и уходили в реку и были таковы до Каспийского моря. Остальные попадали в морды, установленные в отверстия в поднятом чале.

Летом рыбу ловили сетью, неводом, бреднем, наметом, сачком, решетом и руками. Последним способом до сих пор ловлю ... во сне. Маленькие озерки к концу лета обсыхали так, что воды в них было до колена или немного больше. Выкосив траву, мы мутили воду до тех пор, пока щуренки (однолетние и двухлетние щуки) плавали, высунув нос, а мы их ловили руками за жабры или сачком. Язи, лини и караси зарывались в ил. Их надо было выгребать вместе с илом, когда босой ногой их почувствуешь на дне. Для того чтобы их поймать, нужно терпение упорного взрослого человека.

Однажды мы с Ванюшкой и Ванюшкой Вали Мишихи (с которым, помните, маленькими заблудились в болоте), другим моим другом детства с другого бока улицы, в озерке урочища Цыпаиха за Пижмой вытащили нечаянно сачком язя, большого. Он так трепыхался, что мы устроили над ним свалку, чуть не упустили в воду. На радостях побежали сразу домой с уловом, рассказывая и показывая язя встречным. Дома взрослые сразу нам сказали, что надо ж было дольше мутить и ловить, видно в озерке много язей. Мы прибежали к озерку снова. Но, увы, весь ил вместе с язями был вытащен уже после нас. Расстроились мы, но урок получили полезный.

Осенью, до замерзания воды, использовали еще один, довольно экзотический способ ловли рыбы – острогой. Вечером – ночью с фонарем на лодке или с берега спящую крупную рыбину. Но очень интересный и всем доступный рыболовный прием – глушить рыбу деревянной колотушкой через только что замерзший и прозрачный лед. А зимой в небольших озерах рыба задыхалась. Тогда делали проруби и брали рыбу, жадно дышащую, руками.

Все перечисленные способы ловли рыбы назывались одним словом – рыбачить. Сюда не входило ужение, которое считалось несерьезным занятием стариков, детей и некрестьян. Рыбачить – это довольно тяжелая работа, но и удовольствие, отвлекающее от обычных крестьянских занятий. Меня, 19-летнего студента, приехавшего на каникулы, взяли рыбачить неводом на всю ночь. Я так умаялся, помню, что спал до вечера, часов 15.

Рыба и другие природные дары спасали жителей нашей деревни в периоды комсоветских голодоморов, когда практически всю производимую советскими крестьянами продукцию власть забирала.

Весной, после спада вешней воды на пойменных возвышенностях – гривах – мы набирали целые котомки (заплечные мешки) щавеля и особенно вкусного дикого лука. И живот набивали досыта и витаминами себя, как сейчас понимаю, от всех болезней зимних лечили. Аккуратно связанные пучки дикого лука несли в Арбаж на базар и получали так необходимые нам на кино деньги. Занимались сбором в основном дети, у взрослых на это не было времени. Цветущие и отцветшие метелки щавеля наряду с головками клевера и картофелем были основным наполнителем «хлеба» в голодные годы.

Вспоминая, я насчитал более 30 видов всяких плодов и трав, которые мы в детстве потребляли с удовольствием и пользой. Но однажды мы в Ванюшкой, еще не работая в колхозе, ходили за грибами. За целый день мы ели много всякой травы (пищи из дома у нас, естественно, не было) и что-то прихватили опасного. Нас так скрутили боли в животе, что мы, пригвозжденные к земле, несколько часов лежали и причитали: ох, ох! Но как-то обошлось, и мы целыми и здоровыми вернулись к вечеру домой ...

Сполна использовались также лесные дары: грибы, шиповник, малина, желуди, смородина, калина, черемуха, рябина, крушина, черника, голубика, брусника (в дальних лесах –

клюква). И для себя и на продажу. Особенно серьезное отношение было к сбору грибов для соления: волнушек, рыжиков и сырых груздей. Грузди росли в больших количествах в дальнем бору, но туда ходили с пестерями и взрослые не по одиночке, а со знатоками: там можно было заблудиться до смерти. У всех серьезных крестьян обязательно одна или несколько кадущек с солеными грибами зимовало подо льдом в Вынурке.

Кстати, вторая обязательная кадущка – с солеными огурцами. Огурцы на огороде получали гарантированно, независимо от сурового климата, без пленки и теплицы на специально подготовленной огуречной грядке, основу которой составляло ложе высотой не менее 0,5 м из солоमистого навоза. Огуречное семя высаживали в конусообразную лунку (до земли) из привозного «чернозема».

Серьезным подспорьем в организации крестьянской жизни было пчеловодство. Во-первых, это деньги, доход. Недаром у всех «кулаков» были пасеки. Во-вторых, в нашей «бессахарной» местности, особенно в комсоветское время, – это необходимейший сладкий и лечебный продукт.

В заключение рассказа о промыслах надо сказать, что круг их безграничен. Он охватывает всю жизнь крестьянина. Все, что ему надо, он сможет изготовить и, главное, из местного сырья. И для себя и для продажи, если потребуется. Все игрушки для детей – самодельные: свистки, мячи, шары. И масса игр на местном материале. Весь спортивный инвентарь делали сами: лыжи, санки, коньки, городки и т. д. Кстати, спортивные игры с участием не только детей, но и взрослых, занимали не последнее место в свободном времяпровождении жителей деревни.

Вот такой конек, залитый снизу льдом (из раствора воды с коровяком), например – любимый мой в детстве спортивный инвентарь, который мне мастерил мой дядя. Сами дети делали себе игрушки: свисток, рогатку, лук со стрелами и т. д., всегда при себе имели самодельный нож.

Характеристика производственной деятельности крестьян воссоздана мною по сохранившимся к 1942-54 гг. остаткам крестьянской жизни в моей деревне (в 1938–1942 гг. мал, не помню) Вынур. Тогда жива была еще часть настоящих крестьян, уцелевших в ходе революции, коллективизации, раскулачивания, голодомора, войн (с Японией, Финляндией, Германией и снова Японией).

Как видно из моего описания, работа наших крестьян была организована мастерски, очень рационально, приспособлена к природным условиям, не нарушала окружающую среду при максимальном использовании возможностей, предоставленных управляющей элитой страны. Технический уровень работ был ограничен производительными силами общества и его производственными отношениями.

К сожалению, наше крестьянство, выполняя главную судьбоносную задачу обеспечения себя и всего общества сельскохозяйственной продукцией, редко получало взамен что-либо вещественное, не говоря уж даже о должном уважении и понимании. А ведь для решения этой задачи необходимы были гигантское терпение, уважение к предкам и национальным традициям, высокий интеллектуальный ресурс. Да, именно такой ресурс. Все у нас как-то привыкли считать крестьянский труд только физической работой, что для этого нужна лишь физическая сила.

Длительная работа с большими затратами сил и средств могла оказаться напрасной, не дать полезного результата. Об этом писал А.Н. Энгельгардт, сравнивая труд на сенокосе двух мужиков, разных по интеллекту. Один скосил траву и вовремя застоговал сено, а другой долго и много косил и всю траву сгноил, не приспособившись к погоде.

Крестьянское дело требует обязательного расчета, прогноза на следующие день, месяц, год и даже десятки лет вперед. И при неправильном расчете – обвал, собирай шмотки и уезжай в город на заработки, если крестьянствовать не можешь.

Энгельгардт А.Н. умилился, когда неграмотный крестьянин (не учившийся в школе) производил в уме расчеты, на понимание которых ему, профессору, требовалось немалое время (в этом умилении, простите Александр Николаевич., просматривается и высокомерие – то же наше чувство, когда мы видим умные дела собаки или кошки. Но ведь крестьянин тоже человек разумный. Он глядит на умиляющегося профессора и горько усмехается: «Эх, барин, барин, вы мне, себе подобному, представили такую жизнь, что от меня смердит, я не образован. Посмотрел бы я на тебя в моем положении»).

Согласно методике оценки интеллекта в биологии основной критерий – способность прогнозировать. По этому критерию и происходил естественный отбор в деревне.

Кроме тех, кто не справлялся с самостоятельным крестьянствованием, из деревни уезжали и крепкие хозяева, кто освоил свой промысел настолько, что масштаб деревни был для него уже узок. Эти крестьяне становились ремесленниками, купцами и капиталистами при удачном развитии дела.

Крестьянство из своих рядов выдвигало также тех, кто мог успешно получать образование, несмотря ни на какие трудности, ограничения и запреты, пополняя ряды разночинной интеллигенции. Так, бывший крепостной Костычев П.А. стал министром земледелия. В списках репрессированных комсомольским режимом за 1930 год я нашел жителя деревни Кугланур с высшим образованием (Береснев Александр Иосифович, 1897 г.р., беспартийный, завгруппой технического проектирования в г. Владивостоке). Из таких крестьян формировались церковнослужители сельских приходов. Практически из крестьян состояла солдатская масса как царской, так и советской армии. Многие военачальники – выходцы из деревни.

Процесс миграции бывших крестьян в города стал массовым после отмены крепостного права в 1861 году и привел к бурному развитию промышленности в России, к развитию всего государства.

Выходцев из крестьян отличало трудолюбие, находчивость в любом положении и приспособленность к природе, которые воспитывались неписаной системой воспитания, отточенной за тысячелетия. Не государственной. Не казенной. Вообще воспитание должно проводиться душевно, близкими людьми, строго, но жалеючи. В семье. (Воспитание комсометским государством подрастающего поколения нанесло невосполнимый ущерб нашему обществу).

Главное в крестьянской системе воспитания – не слова, не нотации, а пример своих родителей, родственников, соседей, всех жителей деревни, желающих тебе добра.

Дети для российского крестьянства – основа его жизни. Без детей его жизнь невозможна. Кто будет тебя кормить, если ты заболел, если тебе нужно отдохнуть, если ты старый? Так повелось, что нашей правящей элите нет никакого дела, как там живет крестьянин без пенсии, бюллетеней, без оплачиваемых отпусков, вообще без всякого так называемого социального обеспечения. Поэтому для крестьянской семьи горе, если нет детей, если их мало. Счастье, конечно, очень трудное, но счастье – если детей много. Вся надежда на них. Поэтому нет дела важнее, чем воспитывать их как надо. Иначе для крестьянской семьи не будет будущего. Поэтому крестьянские семьи были многодетные, а не из-за темноты, необразованности и некультурности крестьян, как думали и думают некоторые «дюже культурные и образованные» горожане.

А вообще, по большому счету для молодого человека, человечества в целом главным смыслом должна быть забота, чтоб жизнь продолжалась. Это философия человеческой жизни. «Для веселья планета наша мало оборудована», – сказал не очень мною уважаемый, но большой поэт В.В. Маяковский. Не только планета, но и вся Вселенная. А без полноценных новых поколений людей будущего нет. От алкоголиков, наркоманов, а также думающих лишь о себе и как бы «проехаться» на труде других, не внося личного вклада, не думающих вообще – будущего ждать не приходится.

Так вот, основным оценочным критерием взросления ребятишек в деревне было умение выполнять дело, сначала легкое, но всегда не пустяковое, а нужное в жизни. Об экскурсиях и коллективных походах на плантации (в поле) не могло быть и речи.

Носили на руках только грудных детей. Могущие ползать – ползали, умеющие ходить – ходили, за руку никого не водили. Вот так, с молодых ногтей человек приучался к самостоятельности. Во-первых, у взрослых не было времени и возможности, а во-вторых, считалось очень вредным баловать ребенка. В-третьих, основными нянями были престарелые бабушки и старшие братья или сестры (у меня, девятого ребенка, таким няней и воспитателем был брат Анатолий, на семь лет старше меня. По рассказам я родился болезненным, как говорили – нежилец, но в первое же свое лето прокалился солнцем на песке возле речки и выжил).

Рождалось детей обычно много, примерно треть умирала в младенчестве. Оставшиеся росли крепкими и здоровыми, чему способствовала экологическая среда, солнце, воздух и вода. Целыми днями летом и зимой – на улице. Игры всевозможные, все самобытные (прятки, в войну, мяч, шар, городки, лапта, в лапти, десять палочек, попа-гонялу и т. д., более трех десятков). Борьба ежедневная, благо травяной ковер (или снежный) прямо возле дома на улице для регулярного выяснения кто сильнее, да и чтоб умел постоять за себя. Не без драк, конечно.

И, главное, постоянное вовлечение в работу. Игрушки делали себе сами: лук со стрелами, рогатки, силки для ловли снегирей, свистки разные и т. д. У каждого – самодельный ножик. К пяти годам уже домашние работы возлагались – кормить и стеречь кур, поросенка, загнать вечером в ограду корову и овец, когда пастух пригонит стадо, поливать овощи, помогать родителям в разных домашних работах. Понемногу начинаешь приносить в дом ягоды, рыбу, дикий лук и щавель.

К семи годам родители начинают привлекать к своим работам: пилить и колоть дрова, отогнать лошадь, рыбачить, резать вичи, бить вальком при полоскании белья, вдевать ниченки

и т. д. Получаешь понемногу навыки езды на лошади (управлять, распрягать, запрягать, ездить верхом и т. д.). Возникает у малого человека гордость, что он уже что-то умеет, как взрослые.

К десяти годам уже самостоятельные работы, в основном ездовыми на лошадях. В колхозное время вручали взрослую трудовую книжку колхозника и бригадир рано утром давал наряд. И с каждым годом обязанности возрастали в полной пропорции с повышением физических и умственных сил. Овладеваешь инструментами (пилой, молотком, топором, рубанком, граблями, вилами) и механизмами (бороной, чернухой, конными граблями, лесопилкой). Поручают все более сложные виды работ. Повышают кругозор экономический – работа на базаре.

К 16–17 годам – уже мужик, полностью готовый к крестьянскому (да и не только крестьянскому) труду, к самостоятельной жизни, умеющий вести хозяйство, нести ответственность за него, быть будущим хозяином своего дома, семьи.

Аналогично приобретали рабочие навыки девочки, только с четким уклоном на женские дела. Прясть, ткать, шить, вязать, готовить пищу и т. д. – быть будущей хозяйкой дома, матерью, женой. При этом жестко сохранялись и передавались семейные, деревенские, вятские и национальные традиции, склонность к ремеслу и промыслам. В деревне веками были потомственные династии пимокатов, портных, сапожников, рыбаков, охотников и т. д.

Таким образом, суть деревенского, крестьянского трудового воспитания – приучать родившегося человека чуть ли не с 5 лет трудиться, уметь жить самостоятельно, делать все, что умеют его родители, окружающие его люди. Иначе жизни не будет. В этом – конкретное проявление крестьянской философии: смысл жизни – в ее продолжении.

Эта трудовая учеба и трудовое воспитание происходило в семье, не считалось обязанностью государства как машины управления, не перекладывалось на госорганы, всякие Роно, ПТУ, тем более детские дома.

Вот так из века в век и сохранялась цепочка деревенской крестьянской жизни. Когда же крестьянский труд (как в комсоветское время) стал бесплатным и не обеспечивал жизнь, он превратился в бессмысленность, эта цепочка закономерно оборвалась, и исчезла связь времен.

Этот тысячелетний опыт организации жизни в значительной степени, особенно в городах, утрачен. Вместо того чтобы научиться делать то, что делают родители, вообще уметь трудиться и организовывать жизнь, городские дети ищут свое место в жизни... иногда до смерти! Перекладывание же воспитания с родителей, с семьи на бюрократические структуры чревато трагическими последствиями, масштабы которых трудно представить.

Признавая важность обучения детей к своему труду, крестьяне уважительно относились и к учебе детей к другим, более «высоким» занятиям по общечеловеческой культуре. Особенно, если их дети обладали соответствующими способностями к музыке, искусству, технике, науке и т. д. Поэтому так называемая некультурность крестьян, из-за которой им так долго не давали у нас свободу, вызвана не крестьянскими особенностями, а нежеланием властной элиты просвещать крестьян. Такой (!) элите легче управлять ими.

Даже после того, как крестьян стали просвещать понемногу с конца XIX века, принципы крестьянского воспитания не изменились. К тому же, учили лишь зимой, не больше двух зим, в школах, непосредственно в деревнях построенных земствами. Это начальное образование (при мне уже четырехклассное) было с практическим уклоном: хорошо читать, писать и считать, составлять письма и деловые бумаги (акты, протоколы, справки и т. п.). В селах – центрах волостей и церковных приходов (у нас село Пачи) были церковно-приходские школы. Дальнейшее обучение (семинарии, а в начале советского времени – семилетки) – лишь в уездных центрах (у нас – г. Яранск). Лишь в конце 30 годов XX века на базе церковно-приходских школ в центрах волостей были организованы семилетки, а десятилетки – во вновь организованных районных центрах (у нас в селе Тужа).

Окончившие до 30х годов семилетку считались у нас образованными людьми. Их было очень мало – ну-ка поучись за 45 км от дома без путей сообщения. Перед войной и в после-

военное десятилетие, чтоб быть образованным, надо было закончить десятилетку или техникум. Тоже не близко. До села Тужи 25 км. А ближайшие техникумы были только в больших уездных центрах: в Яранске – медицинский и учительский, в Советске (б. Кукарка – родина Н.И.Рыкова, В.М.Молотова) – лесотехнический.

В этих условиях, чтоб стать образованными, крестьянским детям нужно было преодолеть громадные препятствия. При этом летом они были обязаны работать в колхозном поле от зари до зари и им было не до книжек. Начиная с 5 класса надо было уходить со своей «провизией» на неделю или больше за 8-25-45 км, жить «в людях», снимая угол. Это хорошо описано В. Распутиным в рассказе «Урок французского» и показано в кинофильме. Мне, ходившему в 8 и 9 классы в Тужу за 25 км, жившему в людях с 14 лет, вспоминать даже об этом не хочется. Хорошо, когда все это в прошлом.

Сильнейшее влияние на нравственное воспитание подрастающих поколений крестьянства, на нравственный климат в деревне вообще в царские годы оказывала религия, в нашем случае православная церковь. И это несмотря на ее унижение и не соответствующее ее статусу положение в иерархии царской власти России. Короче говоря, я убежден, что религия как мировоззрение, философия во всех своих формах – родоплеменной, этнической, национальной, мировых (иудаизм, христианство, буддизм, ислам) и церкви как человеческие организации или учреждения, основанные на религиозном мировоззрении – только они поддерживают мораль в человеческом обществе. Наука решает свои задачи по изучению природы и человека – ее влияние на мораль опосредована и не является главным направлением. Культура, хотя и работающая на этом поле, но все более скатывается в сторону развлечения, а сейчас – в бизнес досуга.

Религия как мировоззрение, основанное на вере в существование Бога – Творца – Абсолютного Разума – Духовного Начала всего сущего присуща крестьянству как изначальной части этноса. (Я убежден, правильнее говорить и считать «на признании» после глубокого осмысления действительности. Слова «на вере» – , по- моему, исходят от атеистов для унижения религиозных людей и от работников культа, избирающих легкий путь подчинения паствы). Религия помогала крестьянину выживать в этом грозном, непредсказуемом мире. Она давала ему смысл и цель жизни, привила ему уважение к законам природы, необходимости приспособления к ней. Ну, скажите, к кому еще можно в этом мире обратиться совестливому человеку за милостью, как не к Богу! Кто, как не Бог, останавливает совестливого человека от грехопадения! Кто, как не Бог, наказывает бандитского склада людей за их зверства! Вы не задумывались, почему от Ленина и Гитлера не осталось детей?

И все народы за всю историю человечества обращались к Богу. Нет народа без религии. Отсюда и обратное: нет будущего у народа, отринувшего религию.

Вот почему в крестьянской среде прочно утвердились религиозные заповеди (почитай отца и мать, не убивай, не укради, не прелюбодействуй, не лги и т. д.) христианской философии терпения и милосердия. Они вполне соответствовали крестьянскому укладу жизни. Церковь благословляла домовитость, трудолюбие, умеренность в материальных потребностях, мир в семье.

Очень жаль, что у нас церковь подчинялась и подчиняется светской власти, привыкла быть несамостоятельной. А жаль... очень жаль...

Однако крестьянская жизнь учила и к самостоятельности. Крестьянин знал, что без труда не поймаешь и рыбку из пруда. На Бога надейся, но сам не плошай!

В годы войны комсометы вынуждены были дать волю людям молиться Богу, выражать гласно свои религиозные чувства. Но церкви были или разрушены, или использовались не по назначению. Люди молились дома, а все серьезные религиозные отправления (крещение, отпевание) выполняла в нашей деревне бывшая (спасшаяся) монахиня Паша в домах по приглашению.

Моя мама была очень религиозной (двоюродная сестра Зиновья была монахиней, брат ее отца – священником Пачинской церкви). Она с соседками в зимние дни читали в слух Евангелие и одновременно пряли. Сама она молилась неистово утром и особенно вечером. Ведь четыре ее сына были на фронте. Меня наставляла молиться и читать религиозные книги: ветхий и новый заветы, жития святых. И все четыре сына израненные, но живыми вернулись с войны. Она приговаривала, что Бог смилостивился, услышав ее молитвы.

Помогло, наверное, и то, что они получили образование и стали офицерами. Вероятность гибели уменьшилась. Сколько помню, она твердила: «Лень, учись, учись». Она, конечно, не Ленина повторяла (его она не знала и знать не хотела). Это ее вывод, найденный всей жизнью и жизнью предков. Эту тропу к учению пробил первым старший брат Михаил, наверное, самый способный из нас. Но, увы, из-за большевизации образования в молодости был активным атеистом, сбрасывая крест с церкви и т. д. ...

Еще один завет, который мама вбивала просто в меня, до сих пор поражает своим, глубоким смыслом: не связывайся с плохими людьми! Это же диалектическое развитие, осмысление христианских заповедей. Вроде же «возлюби ближнего», а ведь, с другой стороны, из молитвы «Отче наш»: ...да избави нас от лукавого». Уже взрослым я только постиг смысл ее завета: ближними твоими не должны быть «лукавые». Ну, а если от них никуда не денешься, оставайся обязательно самостоятельным, не поддавайся их влиянию ни за какие посулы, несмотря ни на какие благообразные доводы и уговоры. Правда, вся сложность состоит в том, что диаволы-то лукавые, они добродетельной маской прикрыты. Особенно в городе, когда не знаешь истории человека, его дела, его происхождение. Поэтому не торопись, присмотришься, посоветуйся. Не руби с плеча. Не обольщайся своим умом. Не отключай его никогда. Особенно в дни радости, в периоды эйфории – самые опасные дни.

В деревне, конечно, в этом отношении было проще. Люди на виду в течение многих поколений. И что бы ни говорили, а основа личности – в его геноме, в наследственности. А уж большевистские лозунги о перевоспитании – сплошной идеализм. Это не значит, что надо уничтожать плохих людей, у которых воровство, грабительство, бандитство, предательство, как говорится, в крови. Каждый должен искать и занимать свою нишу. Пусть работает, пусть живет. Просто общество не должно допускать вора к материальным ценностям, бандита – к оружию, дурака и жестокого – к управлению, предателя не брать в разведку и т. д. Просто не питать иллюзий (вот что нас губит), а соблюдать правила, кровью и потом найденные нашими предками. Я сложил присказку: «Беда не в том, что есть плохие люди. Они были, есть и будут. Беда, когда общество дает им волю».

Так, при образовании самостоятельной семьи считалось обязательным спрашивать совета родителей. Почему? Они – единственные во всем мире люди, которые желают тебе добра. (Для всех остальных – это твои проблемы... Они могут всякого тебе нажелать). К этому же родители при решении твоего вопроса будут руководствоваться спокойным разумом, не отягощенным возрастными сексуальными проблемами, которые обычно приостанавливают работу разума. Без родителей столько ошибок элементарных наделал! Чуть не «утонул» в жизненных передрягах, сотворенных самим собой.

А сейчас нами правит гордыня: мы сами с усами, мы умнее своих предков! Ой ли? Читая Библию, нравоучения Плутарха и других древних мыслителей, написанные более 2 тысяч лет назад, об этом не подумаешь!

Так вот, возвращаясь к заветам своей мамы, я приведу такой случай. Где-то в возрасте 4–5 лет я, зареванный, прибежал домой, держась за зад. Мама:

Что с тобой?

– Алешка пнул больно мне своим тяжелым валенком! (Алешка – хулиганистый паренек старше меня лет на 5).

– Ах, Алешка! – мама хватается полотенце (привычное ее орудие наказания) и начинает хлестать им меня по больному месту, приговаривая:

. – Я тебе говорила, что Алешка плохой, не связывайся с ним, а ты зачем к нему подошел? Зачем с ним играл?!..

Очень показательное нравоучение. Физической-то боли от хлестания полотенцем нет, а до конца жизни буду помнить и благодарить маму!

Кстати, о полотенце. Иногда, наказывая им нас, своих любимых детей, за всякие проказы и видя, что мы не поняли и не уразумели, говорила:

Ну, что ж, скажу отцу, раз ты меня не понимаешь и не слушаешься.

После этих слов мамы мы сразу просили прощения.

Отец наш – тятя, как мы звали его – человек, увлеченный общественными делами, борец за общую справедливость, беспартийный большевик (о чем позже скажу) был очень решительный. Он мог наказать безжалостно, об этом мы знали от старших братьев, кто с ним столкнулся. (Я, последний, поэтому ни разу не был наказан отцом – братья предупредили). Мама создала и держала такой авторитет отца, какой позволил помочь ей воспитать нас, шестерых сыновей, оградив от хулиганства и прочих соблазнов. В результате выиграла она, выиграла мы, выиграл отец, выиграло общество. Вот так строилась семья, вот на чем она держалась. Ни один из нас не слышал даже споров между отцом и мамой. А ведь не все, далеко не все было гладко между ними, как я уже после смерти их узнал и понял.

Разбирая вещи и бумаги, после смерти отца, я обнаружил два удостоверения членов общества воинствующих безбожников (это страшное создание большевиков) – отца и мамы. Отец, увлеченный большевизмом, записал и свою жену, очень религиозного человека, в это гнусное общество. А ее старший сын, получивший по ее настоянию образование, но уже в большевистской школе, первый комсомолец в деревне, рьяно борющийся с «опиумом для народа», оставил ей только одну, самую маленькую икону, порубив все остальные.

Какое терпение надо было иметь маме!.. (А с другой стороны, вот цена увлечения борьбой за мифическую общую справедливость за счет подавления самого близкого человека. Вот цена этому дьявольскому марксизму – ленинизму, провозглашавшему на словах счастье для всех, а на деле подавлявшему большую часть людей, коверкая их жизнь. Ну, да об этом позже).

В 1947 или 1948 гг. (вроде) мы с мамой на лошади ездили в г. Яранск, где учился мой брат Анатолий в мед. техникуме. Сделав все дела, мы пошли в церковь (единственную действующую по назначению на весь бывший уезд). Когда во время богослужения наступила пора молиться на коленях, во мне разыгралась гордыня, уже вскормленная комсоветской школой:

– Мам, я на колени не встану....

Мама вынуждена была сказать мне, чтоб я вышел из церкви и подождал ее там. Дорогой она горько-горько плакала, приговаривая со слезами и вздыхая:.

Грешница я, грешница, нарожала я нехристей... .

Мне, 9-ти летнему, тогда было не понять того, что сейчас меня мучит неотступно... Маме не было еще и 60 лет, как заболела она неизлечимо очень мучительной болезнью (рак пищевода). Без обезболивающих уколов (какие уколы в советской деревне!) она с обескураживающей стойкостью без единого стоны перенесла длительное (почти годовое) умирание.

– Это Бог меня наказал за мой великий грех, – говорила она все слабеем голосом, – народила я нехристей. Лен, не бойся меня, когда я умру, простись со мною, поцелуй меня в лоб. Дай, Бог, тебе счастья.

Тятя пережил маму на 5 лет, что в деревне было редкостью. Обычно оставались старушки. Духовный садизм не проходит даром. Беречь надо близкого человека. О нем еще скажу позже... .

В том разговоре с мамой, когда мы ехали из Яранска, она сказала мне, чтоб я хоть одну молитву запомнил навсегда: «Господи, благослови меня именем Господним, крестом животворящим, тятиной молитвой, маминым благословением». И пионером меня страна заставила

быть и комсомольцем, снять крест и к Богу не обращаться, не креститься, на экзаменах говорить о религии как опиуме для народа. Стыдно за все это, очень стыдно. Из-за стыда долго рука не поднималась перекреститься снова. Но молитву эту мамину я много тысяч раз уже прочел про себя, неслышно, в минуты жизни трудные, да и не только в трудные...

Однако пойдем дальше.

Не одними трудовыми заботами жив любой человек, в том числе и крестьянин. В отличие от городских жителей, крестьяне не ждали от правителей ни хлеба и ни зрелищ. Не нуждались они в учебниках и наставлениях, как жить и как отдыхать, как веселиться и как умирать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.